

СЕРАЯ ЗОНА

РОМАН¹

13

Совещание проходило на вилле Шмуэля в Кесарии. В одном из малых залов был сервирован стол на четверых. Присутствовали Алекс, Андрей и Рон. Настроение у всех было приподнятое. Перед началом делового разговора Шмуэль предложил «сделать лехаим» и пообещал, что это будет «что-то особенное». Он нажал кнопку, и в комнату бесшумно вошел слуга в белоснежном кителе, неся на подносе бутылку вина. Шмуэль осторожно взял ее в руки и благоговейно прочитал название: «Мутон Ротшильд урожая 1874 года». Он сделал многозначительную паузу и задал риторический вопрос: «Если кто-то из молодых людей уже пробовал это вино, пусть скажет, что это такое?» Желаящих сказать не нашлось. Тогда Шмуэль торжественно провозгласил: «Открывайте, Яков». Яков вынул из шкафчика специальный штопор и, манипулируя им, как нейрохирург, осторожно извлек пробку. Шмуэль взял ее из рук Якова, понюхал и предложил сделать то же остальным. Закончив ритуал, он произнес в нарочитой манере местечкового еврея: «Яков, молодые люди не возражают сделать лехаим. Или вы не нальете им по рюмочке?»

Несмотря на окружавшую его непривычную роскошь, Алекс вдруг почувствовал себя очень уютно, по-домашнему. Шмуэль живо напоминал ему деда, местечкового балагулу². Те же словечки, те же интонации, тот же хитрый прищур глаз. Правда, дед никогда не пил «Мутон Ротшильд» и не угощал им знакомых. Он пил сливянку собственного приготовления, а по семейным праздникам предпочитал стакан водки. После чего делал шумный выдох и закусывал соленым огурцом. И еще дед загонял гвоздь в доску ударом кулака, обернутого седельной кожей. Последний раз он пустил его в ход перед расстрелом, когда одним ударом перебил немцу шейные позвонки...

Яков наполнил невысокие плоскодонные бокалы тончайшего стекла и бесшумно удалился.

– Маленькими глотками. Умоляю вас, маленькими глотками, – Шмуэль не переставал священнодействовать вокруг «Мутон Ротшильд». – Ну, лехаим.

Каждый немного отпил. Шмуэль обвел гостей ожидающим взглядом, как бы приглашая высказаться. Первым решился Андрей: «Хорошее вино, даже очень хорошее». Шмуэль возмутился: «И это все, что ты можешь сказать. Боже, с кем я имею дело. Это же музыка, Кол Нидре³. Ты просто ничего не понимаешь». Рон Берман поспешил исправить положение: «Ты прав, Шмуэль, это что-то особенное».

---

¹ Продолжение. Начало см. в № 8.

² Извозчика – идиш.

³ Песня-молитва, произносимая в Судный день.

– Ну, а что скажет профессор? – Шмуэль решил провести полный референдум.

– Ничего подобного раньше не пробовал, – честно признался Алекс, хотя по одному глотку и не мог сказать, что в этом напитке такого особенного. – Давайте допьем, тогда можно будет сказать более определенно.

Вино, действительно, было необычайно тонким, ароматным, но не опьяняющим. Такие старинные вина годились не для застолья, скорее это был инвестиционный атрибут богатого дома. Не спеша выпили всю бутылку, поели фрукты.

– Ну хорошо, – Шмуэль был разочарован и решил закончить ритуальную часть. – С одной жидкостью мы с грехом пополам разобрались. Здесь вы, конечно, не специалисты. Перейдем к другой, которую продают не литрами, а баррелями. Кстати, чтобы вы все-таки знали, что пили. Эта бутылка обошлась мне в восемь тысяч долларов на аукционе Сотсби... Мы слушаем тебя, Алекс.

Алекс подробно рассказал все, что произошло в Канаде, включая игру в кошки-мышки с «Игл Корпорэйшн». Особо отметил высокий профессионализм Габриэля и сказал, что хотел бы работать с ним и дальше. Потом разложил карту и показал на ней месторождение Камерон.

– Вот этот овал и есть конечный результат нашей работы. Длинная ось двадцать четыре километра, короткая – девять. Толщина нефтяного пласта от тридцати до сорока метров.

– Ну и сколько же этот огурец, или, по-твоему, овал, может стоять на рынке? – Шмуэль перешел к главному вопросу.

– При сегодняшней цене за баррель он стоит не меньше трехсот миллионов долларов, а скорее всего больше. Зависит от конъюнктуры и покупателя. Прошу иметь в виду, что это рыночная цена всего месторождения сразу. Стоимость самой нефти примерно в десять раз больше, но чтобы добыть ее, требуется не менее двадцати лет.

– Что значит – цена зависит от покупателя? – не понял Рон Берман.

– Есть компании, которые хотели бы проникнуть на канадский рынок. Они готовы заплатить больше, чем те, которые уже имеют там месторождения.

– Как будем продавать эту «недвижимость»? Я в своей жизни продавал и покупал почти все, но нефтяные месторождения не приходилось, – Шмуэль не скрывал, что это совершенно новый для него бизнес.

– Так же, как и любую другую собственность. Надо дать объявления в нефтяных журналах и деловых газетах. Указать, где находится месторождение и каковы запасы нефти. Но сначала нужно открыть офис в Гибралтаре и сообщить в объявлениях его адрес, телефон, факс и электронную почту. Вот примерно так нужно действовать, – Алекс изложил общий план.

– Кто тебе для этого нужен?

– От нас только Рон, Габриэль и еще кто-нибудь из людей Бен-Эзры по выбору Габриэля. Технический персонал подберем на месте.

– Хорошо, – подвел итог Шмуэль, – у меня возражений нет. Кто хочет что-то добавить?

– У меня такой вопрос. Покупателю ведь недостаточно посмотреть технические и юридические документы в Гибралтаре. Он должен увидеть и само месторождение, – заметил Андрей.

– Разумеется. После экспертизы документов в Гибралтаре мы с ним, вернее, с ними (как правило, это группа экспертов) полетим в Канаду, все посмотрим на месте, оформим сделку официально по законам провинции Альберта. Это обязательная часть процедуры купли-продажи.

– Ну что ж, в добрый час. Когда планируешь выезд? – спросил Шмуэль.

– Думаю, через неделю.

– Рон, у тебя все готово? – обратился Шмуэль к адвокату.

– Почти. Через неделю будет все, что требуется.

– О'кей, тогда я позвоню Бен-Эзре насчет Габриэля. Ну, давайте еще раз сделаем лехаим за успех.

Все выпили по бокалу сухого «Ярдена».

14

Для офиса «Дабл Эй» был снят старинный двухэтажный особняк в Буэна Виста, тихом южном районе Гибралтара. Наверху были кабинеты Алекса, Рона и общая приемная с двумя секретарями. Внизу – зал заседаний и комнаты Габриэля и Гидеона. Кроме того, имелись свободные помещения, которые можно было разделить временными перегородками и превратить в рабочие комнаты. Здание оборудовали системой наблюдения и сигнализации. Все было готово к началу рекламной кампании. Объявления о продаже Камерона были разосланы в несколько ведущих нефтяных журналов, а также в газеты «Уолл Стрит Джорнэл» и «Файнэншиэл Таймс».

Тем временем «Игл Корпорэйшн» и еще две компании, которые вели разведку на остальных блоках в районе трех озер, закончили сейсмические исследования и пробурили пять скважин – по одной на каждом блоке. Все они оказались сухими, без нефти. Такая тотальная неудача на фоне загадочного успеха «Дабл Эй» требовала детального геологического анализа и объяснения.

Билл Дэвис и Джек Тэйлор вынуждены были снова вернуться к этому вопросу. После скандала в Чикаго они приложили немало усилий, чтобы дистанцироваться от итальянской аферы, как она стала официально называться в компании. Во время расследования они старались держать «низкий профиль», и их репутация не пострадала. По молчаливому согласию они долгое время избегали касаться всего, что связано с «Дабл Эй», ибо именно от нее потянулись нити в Милан. И вот теперь они снова попытались разобраться в этой загадочной истории. И сделали это вдвоем, не привлекая никого больше.

– Итак, Джек, с чего начнем? – Дэвис перебросил мяч Тэйлору.

– Я бы хотел начать с того, чем закончил в тот раз, когда мы обсуждали этот вопрос с Флемингом. Как помните, Билл, я сказал тогда, что если я прав, то на пяти других блоках, включая наш, нефти нет. К сожалению, я оказался прав. И сейчас я более чем когда-либо убежден, что «Дабл Эй» работает прямым методом. Для меня до сих пор остается загадкой, что наш генерал натворил в Италии. На кого он там вышел? Или на кого его вывели? Это вообще темная история. И я бы хотел вернуться к ее истокам. Как вообще возник этот итальянский след? Насколько я помню, впервые намек насчет итальянцев прозвучал в вашем выступлении в Чикаго. Не так ли, Билл?

– Да, действительно, у меня возникло такое подозрение. Но потом, помните, его подтвердил Фрэйзер из «Независимых детективов». Так что Андерсона занесло в Италию не из-за меня, а скорее из-за Фрэйзера.

– Слушайте, Билл, поймите меня правильно. Мы с вами сейчас не как вы на комиссии. И если мы действительно хотим распутать этот клубок, то начинать надо сначала. Могу ли я все-таки спросить – как у вас возникло подозрение насчет итальянцев?

– Ну, во-первых, в Чикаго я сказал, что полной уверенности в том, что «Дабл Эй» итальянская компания, у меня нет. А что касается причин для подозрений, то, честно говоря, сейчас они не кажутся мне такими серьезными. Мне бы не хотелось уточнять. Знаете что, Джек, а не вернуться ли нам снова к записи, которую Фрэйзер сделал в Вермилионе? Пусть ее прослушает кто-нибудь из наших итальянцев.

– Вы в чем-то сомневаетесь? Я не очень понимаю.

– Сейчас поймете.

Дэвис вызвал секретаря.

– Пригласите, пожалуйста, Сильвию Маленотти из финансового отдела. Через несколько минут в кабинет вошла женщина лет сорока ярко выраженной средиземноморской внешности.

– Здравствуйте, Сильвия. Нам требуется ваша помощь. Экспертиза, я бы сказал. Вы сейчас прослушаете короткую магнитофонную запись. Там есть несколько слов по-итальянски. А потом я задам вам пару вопросов.

Дэвис вставил кассету и включил магнитофон. Сильвия внимательно слушала.

– Вы хотите спросить, мистер Дэвис, что такое «буона ноттэ»? Это «спокойной ночи».

– Спасибо, Сильвия. Еще один вопрос. Не могли бы вы сказать, судя по произношению, – это итальянцы или нет?

– Нет, мистер Дэвис, это не итальянцы. Тут нет сомнений. Интонация совершенно не итальянская.

– Спасибо, Сильвия. Вы нам очень помогли.

Когда Маленотти ушла, Дэвис обратился к Тэйлору.

– Ну, теперь вам понятно, Джек?

– Да, теперь понятно. Они обвели нас вокруг пальца. Здесь напрашиваются два вывода. Во-первых, они обнаружили «жучки» Фрэйзера. Такую возможность еще можно допустить. А во-вторых, впечатление такое, будто им было известно, что говорилось об итальянской версии на Совете директоров в Чикаго. И они решили отправить нас по этому следу. Иначе – зачем устраивать этот спектакль с «буона ноттэ»? Теперь у меня нет даже уверенности, что они вообще связаны с «Петролеум Италияно». Бедный Андерсон. Мне начинает казаться, что мы все – жертвы какой-то ловкой мистификации.

– Не знаю, Джек, не знаю. Мы что-то еще больше запутываемся. Уж не связаны ли с ними кто-то из Совета директоров? Теперь я бы ничему не удивился...

На следующий день Тэйлор зашел в кабинет Дэвиса. Он был заметно возбужден. В руках у него был свежий номер «Файнэншиэл Таймс». Тэйлор раскрыл газету на странице объявлений и положил ее на стол перед Дэвисом. Текст в большой черной рамке был обведен красным карандашом.

– Что это значит, Джек? Они что – продают Камерон? – Дэвис не скрывал удивления.

– Ничего другого из этого не следует. Это не настоящая нефтяная компания. Они действуют по принципу «хватай и беги», в смысле – «открывай и продавай». Случайные люди в нашем бизнесе.

– Да, но как же тогда им удалось так ловко все провернуть на Камероне?

– Это другой вопрос. Я по-прежнему убежден, что у них есть «наводчик», который владеет методом прямого обнаружения. Я имею в виду, что здесь комбинация метода и больших денег. У них нет своей инфраструктуры – это ясно. Только метод и деньги. Поэтому они и сидят в Гибралтаре. С таким же успехом могли выбрать Каймановы острова или любой другой оффшорный угол.

– А как же ваша идея насчет того, что за ними стоит какая-то крупная корпорация?

– Теперь я в этом не уверен. В таком случае они не стали бы продавать Камерон.

– Знаете, о чем я сейчас подумал, Джек? Хотя Андерсон и попал в дерьмовую историю, но его слова о том, что существуют только два способа выжить, остаются в силе. Я имею в виду – или метод «Дабл Эй» будет работать на нас, или мы должны сделать так, чтобы ни метод, ни «Дабл Эй» не существовали. Проблема не исчезла. И если вы правы в том, что здесь действует не корпорация, а какой-то гениальный изобретатель-одиночка, то наша задача упрощается. Борьба с корпорацией трудно, купить ее невозможно. Ну а человека или нескольких всегда можно купить. Вопрос только в цене. Что вы на это скажете, Джек?

– Во-первых, Билл, я бы не стал пользоваться словами «гениальный изобретатель». Просто из суеверия – вспомните статью в «Сан». Возникает неприятная ассоциация.

При этих словах Дэвис рассмеялся. Не удержался и Тэйлор. Чувствовалось, что история с проктоскопом веселит их не в первый раз.

– Ну а во-вторых, – продолжал Тэйлор, – у нас действительно нет иного выхода. Надо во что бы то ни стало добраться до их лабораторной базы. Кто знает, где они будут работать в следующий раз или уже работают? Поэтому единственная возможность не упустить их из вида – это отправиться в Гибралтар, сделать заявку на торги и принять в них участие.

– Да, пожалуй, вы правы, Джек. Я сообщу президенту. А уж он будет решать – делать это своими силами или опять действовать через Чикаго.

15

Отклик на объявление о продаже Камерона был значительный. Алекс и Рон отобрали семь наиболее серьезных заявителей и послали им приглашения. Многие другие компании проявили определенный интерес, но хотели получить дополнительную информацию до начала торгов. Эти компании решено было включить в список на второй тур – на случай, если месторождение не будет продано.

Среди приглашенных был и канадский филиал «Игл Корпорэйшн». Совет директоров в Чикаго еще не оправился от шока, связанного с итальянской аферой, и поэтому отказался иметь дело с «Дабл Эй». Но против участия канадцев не возражал. Возглавлял группу Билл Дэвис. В нее входили эксперты по вопросам геологии, геофизики, экономики нефтяного рынка, юристы. Всего шесть человек. Аналогичные экспертные группы прибыли и от других компаний.

В назначенный день участники торгов собрались в небольшом конференц-зале офиса «Дабл Эй». Сессия началась с информации Рона Бермана о юридическом статусе месторождения. После этого Алекс дал его геологическую и техническую характеристику, сообщил сведения о запасах нефти, ее физических и химических параметрах. Затем Рон назвал стартовую цену месторождения – триста миллионов долларов. Каждая группа получила полный комплект юридических, геологических и технических документов. В их распоряжение были предоставлены удобно оборудованные рабочие комнаты, в которых они могли в течение недели изучать материалы.

Габриэль и Гидеон делали свою часть работы. Комната «Игл Корпорэйшн» была поставлена на прослушивание, и был записан разговор между Дэвисом и Тэйлором.

Дэвис: Похоже, что я ошибся. Этот мистер Франк не мелкая рыбешка, а чуть ли не глава всей конторы. К тому же хорошо разбирается в технике разведки.

Тэйлор: У меня такое же впечатление. Пока не совсем ясно, к какой части связки он принадлежит. Я имею в виду связку «метод-деньги». Логически рассуждая, если бы он был причастен к методу, то ему здесь не место. Аукцион – это дело специалистов по маркетингу и юристов. Но и на финансиста он не похож.

Дэвис: Да, пока мы ни на шаг не приблизились к разгадке. Интересно хотя бы узнать, из какой они страны. Со времени итальянской аферы Андерсона мы все еще топчемся на месте. Джек, а не поговорить ли вам с секретаршей? У вас это хорошо получается.

Через некоторое время Тэйлор зашел в приемную и попросил у Мерседес, молодой симпатичной служащей, машинку для заточки карандашей. Между ними завязался легкий разговор о разных пустяках, в том числе о погоде. Тэйлор как бы невзначай заметил: «Интересно, на родине вашего босса сейчас так же жарко?»

Мерседес ответила с милой улыбкой: «В Южной Африке? Не знаю, никогда там не была». Тэйлор вернулся и сообщил об этом Дэвису.

– Черт знает что, – прокомментировал Дэвис, – так мы можем гоняться за их лабораторией по всему миру. Потом еще окажется, что она вообще в России или Израиле, как в шпионских фильмах.

В последующие дни Дэвис и Тэйлор больше не возвращались к загадке «Дабл Эй». Другие эксперты обменивались лишь короткими замечаниями о качестве материалов, признавая его весьма высоким. Только однажды возник общий оживленный разговор, который касался отсутствия сейсмограмм. Но Дэвис быстро снизил его накал, сказав, что не стоит это обсуждать. «Они вообще не делали сейсмику, мы это давно знаем».

Через неделю состоялась вторая сессия, во время которой Алекс и Рон отвечали на вопросы. Наиболее острый вопрос поступил от «Игл Корпорэйшн» – почему в комплекте документов нет сейсмограмм? Ответ был подготовлен заранее. Алекс сказал, что, к сожалению, по техническим причинам сейсмограммы оказались такого низкого качества, что не было ни малейшей возможности использовать их для выбора точек бурения. В то же время сроки бурения были определены заранее жестким контрактом с буровой фирмой. Нарушение сроков грозило выплатой большой неустойки. Поэтому решили пойти на риск и бурить скважины без учета сейсмических данных. К счастью, удача сопутствовала компании, о чем свидетельствует открытое месторождение. Ответ, разумеется, не удовлетворил экспертов «Игл Корпорэйшн», но они промолчали. Остальные были удивлены, но объяснение приняли. В конце концов сейсмические исследования – это лишь промежуточный вспомогательный этап разведки, а ее главный конечный результат – само месторождение. Все понимали, что речь идет о покупке нефти, а не сейсмограмм. После окончания ответов на вопросы участникам были розданы конверты, в которых они должны были представить на следующий день свои предложения о цене, которую готовы заплатить.

В десять утра семь конвертов были вручены адвокату «Дабл Эй» Рону Берману. Он вскрыл их, ознакомился с предложениями и объявил: «Нефтяное месторождение Камерон приобретено компанией “Тикоку Петролеум”, Япония, предложившей за него триста пятьдесят миллионов долларов». После этого Рон поблагодарил всех участников за внимание и за время, которое они уделили аукциону. Он попросил мистера Хироши Нагата и его коллег остаться для оформления сделки и согласования плана поездки в Канаду.

16

Весь следующий год группа «Дабл Эй» занималась в основном своими финансовыми и организационными делами. Алекс и Андрей переехали в Кесарию, в большие комфортабельные дома, покупку которых помог оформить Рон Берман. В подвальном этаже дома Андрея было оборудовано специальное помещение, в котором установили прибор и все необходимое вспомогательное оборудование. В него вела массивная бронированная дверь, замаскированная под капитальную стену. Для непосвященных она была незаметна. Это обширное помещение, как и весь дом, было оборудовано системой наблюдения и сигнализации. Андрей собрал еще один прибор – точную копию первого. Он был установлен в таком же специальном помещении в доме Алекса. По существу, обе лаборатории дублировали одна другую. Но вторая считалась резервной. Рахель, физик по специальности, освоила методику анализа и работу на приборе.

В течение года они встречались со Шмуэлем всего несколько раз, время от времени перезванивались. О делах почти не говорили. При одной из встреч, когда он зашел ознакомиться с лабораториями, Шмуэль посмотрел на них со своим

обычным хитроватым прищуром и сказал: «Хотите знать, молодые люди, кого мы все трое сейчас напоминаем? Шайку грабителей, которые взяли крупный банк и легли на дно в надежде, что про них забудут. Это обычная философия налетчиков. Но в ней есть два изъяна. Во-первых, про них не забудут. Такие дела не имеют срока давности. А во-вторых, рано или поздно они сами дадут о себе знать, присмотрев где-нибудь другой банк. Это как наркотик». Все рассмеялись, признав, что в этой шутке что-то есть. Но больше они к ней не возвращались.

Однажды Шмуэль пригласил их приехать. На небольшом угловом столике в его кабинете стояла бутылка вина, три бокала и ваза с фруктами.

– Я пригласил вас, молодые люди, чтобы отметить скромный юбилей.

Алекс и Андрей удивленно переглянулись.

– Так я и знал. Вы заняты большими делами и не помните маленькие даты. Но старики помнят все. Сегодня ровно год, как компания «Тикоку Петролеум» купила свое первое нефтяное месторождение в Канаде. Предлагаю выпить по рюмочке за это знаменательное для нас и для японцев событие.

Шмуэль наполнил бокалы и все выпили.

– Но если вы полагаете, что дело закончится только этим, то ошибаетесь, – продолжал он. – Завтра вы вместе с женами приглашаетесь на борт «Звезды Кашмира». Мы выйдем в море и отметим эту дату так, как она того заслуживает.

Им уже приходилось участвовать в морских прогулках с неперменной рыбной ловлей на этой роскошной двухпалубной яхте. И каждый раз впечатление было незабываемым. Однажды они спросили Шмуэля – что означает это романтическое название? «Здесь нет романтики, – ответил он, – яхта названа в знак дружбы». И Шмуэль рассказал удивительную историю.

Он вырос в Галилее в многодетной крестьянской семье. Отец, родом из белорусского местечка, был фермером, тяжело работал на каменистой земле. Еды было в обрез. Два раза в неделю мать выпекала домашний хлеб. Это было самое большое лакомство – теплый душистый хлеб, прямо из печи. В первые два дня он был особенно вкусным, но потом постепенно черствел, и есть его уже не очень хотелось. Однако в семье было твердое правило – никто не получал свежий хлеб, пока не съедал предыдущую порцию. Поэтому дети прибегали к невинной хитрости – незаметно выбрасывали черствый хлеб, чтобы поскорее получить свежий. Часто отец находил его и после короткого дознания обнаруживал виновника. И тогда начинался долгий воспитательный разговор, который предварялся неизменной фразой: «Вот ты сейчас выбросил кусок хлеба. А в это время в Индии дети мечтают о нем и умирают от голода...» Шмуэль не знал, где находится Индия и почему у детей там нет хлеба. Но он возненавидел их.

В возрасте четырнадцати лет Шмуэль, вместе с группой школьников, был послан на две недели в Лондон для участия во встрече подростков из стран Британской империи. Детей поселили в двухместных комнатах, намеренно перемешав представителей разных народов. Когда Шмуэль вошел в выделенную ему комнату, там уже находился смуглый мальчик. Он приветливо улыбнулся, обнажив ослепительно белые зубы, протянул руку и сказал: «Меня зовут Радж, я из Индии». Шмуэль никогда раньше не видел индийцев. И прежде чем успел что-то сообразить, детские воспоминания вдруг нахлынули на него, и он выпалил: «Я ненавижу индийцев!» Радж замер от неожиданности, а затем чуть не в слезах выбежал из комнаты. Потом они стали большими друзьями и остаются ими всю жизнь. У них даже есть совместный бизнес в Австралии. Радж очень богатый человек, и его яхта называется «Звезда Галилеи». А родился он в Кашмире. Поэтому яхта Шмуэля называется «Звезда Кашмира». «Между прочим, – закончил Шмуэль эту любопытную историю, – Радж тоже участвует в наших делах, хотя и не знает об этом. Часть денег на разведку Камерона я перехватил у него. Под нормальный банковский процент, разумеется».

Погода стояла прекрасная. Это было лучшее время года в Израиле. Не жарко, легкий освежающий ветерок, на небе редкие перистые облака. «Звезда Кашмира» вышла в море на траверзе Герцлии. Когда отошли от берега миль на десять, Шмуэль пригласил мужчин спуститься на нижнюю палубу. Там в специальном вырезе на корме уже были приготовлены три спиннинга. Они сели в удобные глубокие кресла, и азарт рыболовов мгновенно овладел ими. «Идет охота на тунцов, идет охота...» – пропел Алекс фальцетом. Андрей быстро вырвался вперед – он вытаскивал этих крупных рыбин одну за другой. Алексу везло намного меньше. А Шмуэль, казалось, и не думал о рыбалке. Ему важен был сам процесс, сидение на корме и наблюдение за азартом своих гостей. «Интересно, – подумал Алекс, – у нас с Андреем и опыт одинаково небольшой, и умение примерно то же. Но у него клюет, а у меня почти нет. Вот яркий пример слепого везения, что бы там ни говорили». Его размышления прервал голос Шмуэля: «А не поговорить ли нам, молодые люди, о рыбалке другого рода. Как насчет банка?»

Алекс и Андрей поняли его с полуслова. Они улыбнулись и согласно кивнули.

– Вроде бы пора, – сказал Андрей.

– Возражений нет, – добавил Алекс, – надо только осмотреться и выбрать район получше. Чтобы улочка была безлюдная, фонари неяркие и полиции поблизости не густо.

– Ну, насчет района – это по твоей части. Но вот мне вчера звонил Радж. Он говорит, что в Австралии сейчас нефтяная разведка на подъеме. Упомянул штат Квинслэнд. Что ты об этом знаешь, Алекс? – спросил Шмуэль.

– Да, в Квинслэнде сейчас нефтяной бум. Там и в соседнем штате Южная Австралия открыты несколько больших месторождений. Район интересный. Но улочка эта уже далеко не безлюдная и освещена довольно ярко. Туда в последнее время ринулись многие крупные компании. И им даже приходится работать локтями. Это как тот ресторан, в который никто больше не ходит, так как там всегда полно народа. Однако посмотрим. Может быть, и нам на бедность что-то осталось.

– Ну что ж, возможно, старина Радж подал неплохую идею. Вот и ты ее поддерживаешь. Одна голова хороша, а две лучше, как говорят мутанты, – Шмуэль произнес эти слова со своим неподражаемым прищуром.

17

– Звонит мистер Эванс из «Альбион Энерджи», – услышал Дэвис голос секретаря. – Вас соединить?

– Да, да, соединяйте.

– Хэлло, Билл, как поживаешь? – послышался густой бас Эванса.

– Все в порядке, Ларри. Рад тебя слышать. Как ты?

– Не могу жаловаться. Много работы. Есть интересные открытия. Мы сейчас влезли в Квинслэнд. Очень любопытный район. Слушай, Билл, я тебе как раз звоню по этому поводу. Помнишь, при встрече ты мне говорил про «Дабл Эй»? Так вот, они теперь наши соседи в Австралии. Как только узнал об этом, сразу вспомнил тот разговор. Ты сказал, что они странные ребята, работают не по правилам. Признаюсь, я тогда не очень понял, что ты имел в виду. А сейчас все стало ясно. Они просто дилетанты. Взяли самый дохлый блок и уже тащат туда буровой станок. Даже сейсмику не сделали. Ты просил известить тебя, если что узнаю. Вот и сообщаю.

– Спасибо, Ларри. Огромное спасибо. Ты не представляешь, какую важную новость рассказал, – Дэвис с трудом перевел дыхание. – И знаешь что, Ларри, не торопись с выводами. Это не дилетанты. Это очень опасные люди. Очень.

– Билл, теперь я опять ничего не понимаю. Не мог бы ты объяснить, в чем все-таки дело?

– Это очень долгий разговор, Ларри. И очень серьезный. Нам надо встретиться. Ты не собираешься в ближайшее время в наши края или в Штаты?

– О'кей, Билл. О'кей. Ты меня просто заинтриговал. Через неделю я должен быть в Денвере. Подскочишь?

– Обязательно. Ну, до встречи, Ларри.

Через неделю они встретились в Денвере, в гостинице «Кембридж», и Билл Дэвис рассказал Ларри Эвансу все, что ему было известно о «Дабл Эй», – до мельчайших подробностей, включая итальянскую аферу и продажу месторождения Камерон японцам. Рассказ произвел на Эванса большое впечатление.

– Итак, – подвел итог Дэвис, – год о них ничего не было слышно. И вот они вынырнули в Австралии. Я не сомневаюсь, что результат будет такой же, как и в Альберте. По воле судьбы твоя и моя компания оказались в одинаковом положении. Я имею в виду соседство с «Дабл Эй». Поэтому мы можем считать себя в известном смысле партнерами. И как партнер предупреждаю тебя, Ларри, – не повторяйте наших ошибок. Мы приложили большие усилия, чтобы что-то узнать о них. Результат почти нулевой. Смешно, но мы даже не знаем, из какой они страны, где их лабораторная база. О том, что именно они определяют в почве, и говорить не приходится. Учти, они мастера путать следы. То устраивают этот спектакль с Италией, потом вдруг их секретарь в Гибралтаре сообщает, что ее босс живет в Южной Африке. Очередное вранье. Короче говоря, Ларри, мы отказались от дальнейших усилий. К тому же они убралась из Канады и теперь для нас недосягаемы. Поэтому передаю проблему тебе. У «Альбион» больше возможностей, чем у «Игл». У вас, насколько я знаю, есть специальный отдел, который занимается нестандартными ситуациями. Вам и карты в руки. Расколите этот орешек. А в случае успеха не забудь старину Дэвиса.

– Спасибо, Билл. Все, что ты рассказал, чертовски интересно. Просто не верится, что после стольких неудач и афер это кому-то удалось. Достаточно вспомнить скандал с нюхающим самолётом «Элф-Аквитан» в начале восьмидесятых... Я немедленно сообщу президенту. Надеюсь, мы что-то придумаем.

Для базы «Дабл Эй» был выбран городок Лонгрич, в центре штата Квинслэнд. Скважина на блоке Уинтон бурилась в восьмидесяти километрах от этого места. Единственная достопримечательность городка состоит в том, что он находится точно на широте тропика Козерога. Поэтому его иногда называют «город тропика Козерога», подобно тому как Денвер называют «город одной мили», так как он расположен точно на этой высоте над уровнем моря. Соответственно и самая приличная гостиница в Лонгриче называется «Козерог». В ней и были сняты комнаты для Алекса, Габриэля и Гидеона.

Лонгрич – типичный провинциальный городок в австралийской глубинке. Почти все мужское население его занято в нефтяной промышленности, возникшей за последние годы. Вечера мужчины обычно проводят в пабах и бильярдных. А женщинам вообще нечем заняться, кроме домашней работы. Поэтому когда в местной газете появилось объявление о предстоящем открытии школы аэробики, это вызвало большой интерес, и желающих оказалось больше, чем она могла вместить. Интерес еще более усилился, когда газета опубликовала интервью с Юдит Добос, инструктором по аэробике и организатором школы. Юдит рассказала, что окончила физкультурный институт в Венгрии, аэробикой занимается шесть лет. Два года назад эмигрировала в Австралию и сейчас решила открыть собственную школу. С газетной фотографии на читателя смотрела красивая молодая женщина с большими черными глазами и короткой мальчишеской стрижкой. Вскоре Юдит Добос стала популярна в городе. На рекламных щитах были расклеены афиши с ее портретом, пропагандирующие аэробику. Одна из таких афиш красовалась и перед входом в «Козерог».

...Как-то вечером Алекс возвращался со скважины по пустынной дороге. Километрах в десяти от города он увидел на обочине старенькую «мазду» с поднятым капотом и стоявшую рядом женщину, растерянно взиравшую на двигатель. Он остановил машину и спросил – не нужна ли помощь? Женщина неуверенно развела руками.

– Не знаю, сможете ли вы помочь. Кажется, вытекло все масло.

Под машиной действительно было большое масляное пятно. Здесь требовался серьезный ремонт. Поэтому единственное, что Алекс мог предложить, – это подвезти ее в город.

– А я вас узнал, – сказал он, когда она села рядом. – Вы, кажется, занимаетесь аэробикой. А зовут вас...

– Юдит. Юдит Добос, – улыбнулась она.

– Да, вспомнил, Юдит Добос. Я видел вашу фотографию перед входом в «Козерог». Меня зовут Алекс Франк, – представился он.

– Приятно познакомиться, мистер Франк, – ответила Юдит. – Так вы живете в «Козероге»?

– Да. А вы?

– А я снимаю квартиру недалеко от гостиницы.

Наступило молчание. Разговор не клеился. Юдит больше ни о чем не спрашивала, а Алекс считал неудобным проявлять чрезмерное любопытство. Въехали в город, и Алекс подвез Юдит к небольшому двухэтажному дому. Она поблагодарила его и вышла из машины. Он вдруг почувствовал, что не хотел бы вот так оборвать это неожиданное знакомство, и тоже вышел.

– Так ваша квартира в этом доме?

– Да, на втором этаже.

– И что же, вы живете здесь одна?

– Одна, – спокойно ответила Юдит.

– И вам не скучно? Я понимаю, вы заняты школой. Но ведь это не отнимает все время. А что вы делаете вечерами?

– Скучновато, конечно. Вечерами читаю, слушаю музыку, пишу письма.

– По вечерам я тоже не знаю, куда себя деть. Книги, музыка – это, конечно, отвлекает, но не заменяет человеческого общения. Почему бы нам ни посидеть где-нибудь за чашкой кофе, не поболтать. Не сочтите за навязчивость, но мне кажется, у нас найдутся общие темы для разговора.

– Не знаю, право, мистер Франк. Идти в кафе мне не хочется, я немного устала сегодня. А дома у меня такой беспорядок, что было бы безрассудством приглашать вас, – Юдит смущенно улыбнулась.

– Ну, если дело только в беспорядке, то пусть вас это не беспокоит. Такие вещи я просто не замечаю.

– Что ж, тогда идемте. Но пеняйте на себя.

Они поднялись в маленькую двухкомнатную квартирку. Беспорядок был только в том, что на стульях были разбросаны халат, бюстгальтер и пара трусиков. Все это Юдит торопливо схватила в охапку и отнесла в ванную. На стенах висели фотографии с видами Венгрии и портреты пожилых мужчины и женщины.

– Родители, – сказала Юдит, увидев, что Алекс рассматривает их.

– Вы похожи на мать, – заметил Алекс.

– И на отца тоже, – добавила она.

Юдит приготовила вкусный кофе по-венгерски, поставила на стол вазу с пенчиком и бутылку ликера. Разговор никак не завязывался, шел натянуто, с неловкими паузами. Юдит почти не задавала вопросов, и Алексу казалось, что он ей просто неинтересен. Это еще больше сковывало его. В общем-то, Алекс не был скучным собеседником. «Дело, наверное, в возрасте, – решил он. – Ей не больше тридцати, ну а мне от моих пятидесяти никуда не деться. Да, эти двадцать лет

разницы никаким умным разговором не заполнишь». Он встал, прошелся по комнате, подошел к Юдит сзади и положил ей руки на плечи. Она недовольно отстранилась.

- Нет-нет. Прошу вас, мистер Франк, не надо.
- Ну что ж, не надо, так не надо, – он виновато улыбнулся.

Они посидели еще немного, и Алекс понял, что пора уходить.
– Время позднее, Юдит. Спасибо за кофе, за вечер в вашей уютной квартире. Если когда-нибудь захотите снова поболтать за чашечкой кофе, то вот вам мой телефон, – он записал на бумажке номер мобильного телефона.

– Вам тоже спасибо, мистер Франк. И прошу вас – не обижайтесь. Мне нужно время, чтобы... ну, вы понимаете... я не очень быстро сближаюсь с людьми. Такой уж у меня характер.

Первые дни Алекс ждал звонка от Юдит. Потом смирился с тем, что она не позвонит, и стал постепенно забывать о ней. Поэтому когда он вдруг услышал в трубке ее голос, то был больше удивлен, чем обрадован.

– Здравствуйте, мистер Франк. Это Юдит. Вы меня еще помните? Знаете, мне что-то вдруг захотелось снова поболтать с вами, как в тот раз. К тому же сегодня у меня есть повод. Как у вас со временем, и вообще – есть ли настроение?

- Рад вас слышать, Юдит. Настроение у меня всегда есть. А что за повод?
- Скажу, когда увидимся. Так вы зайдете? Где вы сейчас?
- Я по дороге в город. Заскочу в гостиницу, а потом к вам. Хотя бы для того, чтобы узнать, какой повод.
- Бог с ней, с гостиницей. Приезжайте прямо ко мне. Я жду.

Минут через тридцать Алекс был у Юдит. Он не узнал ни ее, ни квартиру. Она была элегантно одета, очень красива. Квартира сверкала. Стол был сервирован на двоих, горели свечи.

- Что все это значит, Юдит?
- Это значит, что у меня сегодня день рождения. Ровно тридцать. – Юдит улыбнулась, раскинула руки и сделала оборот вальса.
- Но почему же не предупредили? Я даже без подарка.
- Поэтому и не предупредила. Подарок – это хлопоты. А вы человек занятой.
- Все так неожиданно. Я прямо с дороги.
- Ну, примите душ.
- Я это и хотел сделать в гостинице.
- Какая разница. Можете сделать здесь.

Юдит все больше удивляла Алекса. Что с ней произошло? Такая разительная перемена.

- Юдит, а где же друзья, знакомые? Ведь тридцать лет – это такая дата...
- В этом-то все и дело, Алекс. Можно называть вас просто Алекс? У меня здесь нет ни друзей, ни близких знакомых. Поэтому сначала я вообще решила посидеть одна и погрузиться. А потом вдруг так захотелось, чтобы хоть одна близкая душа была рядом. Ну и получился этот экспромт.
- Спасибо, Юдит. Мне приятно это слышать. Я имею в виду про близкую душу. А сейчас я, пожалуй, действительно приму душ, если разрешите.

На этот раз их застольный разговор шел легко, непринужденно. Было много шуток, смеха. Алекс чувствовал себя в привычной обстановке. Его экспромты и юмор находили живой отклик. Они выпили на брудершафт и перешли на «ты». Вдруг Юдит сказала:

- Ты, может быть, решил, что я придумала этот день рождения? Вот смотри, – она вынула из шкафчика паспорт и показала его.

Алекс взглянул на дату рождения. Действительно, сегодня ей исполнилось тридцать лет.

– Ну что ты! Я и не сомневался, – возразил он с недоумением.
– Сомневался, сомневался. По глазам видела, что сомневался, – лукаво укоряла его Юдит. – А у тебя когда день рождения?
– Не скоро, через пять месяцев.
– И сколько же тебе будет через пять месяцев?
– Может, не стоит заниматься этой арифметикой? – горько усмехнулся Алекс.
– Вряд ли тебя вдохновит эта цифра. А впрочем, все относительно. Рассказывают, когда девяностолетнему Чарли Чаплину представили красивую молодую актрису, он воскликнул: «Эх, где мои семьдесят лет!» Так что по его шкале я еще очень молод.

Юдит засмеялась.

– Алекс, дорогой, я же не замуж за тебя собираюсь. К чему такие комплексы и выкрутасы. Если не хочешь сам говорить, давай паспорт. Ты видел мой и теперь должен показать свой. «Паспорт, хочу паспорт», – пропела Юдит.

Алекс притворно вздохнул, взял стоявший около двери кейс и достал из него свой канадский паспорт. Он раскрыл его на первой странице и, не выпуская из рук, показал Юдит. Она посмотрела на дату рождения.

– Итак, через пять месяцев нашему Алексу будет пятьдесят. Ничего страшного. Для мужчины это то же, что для женщины тридцать. А ты, оказывается, канадец. Я и не знала.

Потом они еще разговаривали, пили вино, танцевали. И уже за полночь очень естественно, без лишних слов и церемоний перебрались в кровать. От Юдит исходил необыкновенный волнующий запах. Это не был запах каких-то изысканных духов, но тот особый редкий природный аромат, которым может обладать только идеально ухоженное, не имеющее физиологических изъянов женское тело. Его благоухание обволакивало Алекса и вытесняло все другие ощущения. Он будто купался в невидимых волнах этого тонкого нежного аромата... Все было замечательно. Где-то между третьим и четвертым актом «мюзикла», как Юдит это называла, Алекс сказал: «А я и не знал, сладкая моя, что аэробика так похожа на акробатику».

– Это не акробатика, сладкий мой. Это Камасутра, индийская наука любви, – сказав это, Юдит приняла совершенно невыносимую позу. Алекс не мог понять, где ее колени, а где локти. – Эта позиция называется «закрученный узел», – объяснила она.

В конце концов Камасутра доконала его, и он крепко заснул. Юдит встала, вышла в салон и достала из кейса его паспорт. Она открыла четвертую страницу, где был раздел «Извещение близких: В случае несчастья или смерти сообщить такому-то (указать имя, степень родства, адрес, телефон)». Рукой владельца паспорта было вписано: «Рахель Франк, жена, улица, номер дома, Кесария, Израиль, телефон». Юдит сфотографировала эту страницу и положила паспорт на место.

Утром за завтраком она была неожиданно задумчива и грустна. Алекса удивила эта внезапная перемена.

– Я не хотела говорить вчера, чтобы не портить вечер, – объяснила Юдит, – но, видимо, мне придется уехать из Лонгрича. Дела со школой не ладятся, много проблем – и организационных, и финансовых. Впрочем, это сейчас неважно. Я тебе очень благодарна за чудесный день рождения. Запомню его навсегда. Надеюсь, и ты не забудешь. Как только устроюсь на новом месте, обязательно дам знать.

Алекс был обескуражен. Он не находил слов. Юдит, как могла, утешала его. Когда он ушел, она достала свой паспорт и сняла с него тонкую, искусно сделанную наклейку с датой рождения. Затем упаковала вещи и уехала из Лонгрича.

Стив Холдер, менеджер австралийского филиала компании «Альбион Энерджи», заканчивал обсуждение контракта с сервисной фирмой «Лог Текникал», которая специализировалась на каротажных исследованиях скважин в штате Квинслэнд. «Альбион Энерджи» была очень крупным клиентом. Поэтому Том Паркинсон, главный геофизик «Лог Текникал», получил указание сделать все, чтобы заказ не достался конкурентам. Все параграфы контракта уже были согласованы, и дело шло к его подписанию, когда Холдер неожиданно выдвинул еще одно условие, которое, впрочем, не должно было фигурировать в письменных документах.

– Послушайте, Том, – сказал Холдер, – вы ведь выполняете работы для «Дабл Эй» на блоке Уинтон. Мы хотели бы получить от вас каротажные диаграммы и материалы перфорации по их скважине. Разумеется, это будет учтено при подписании контракта.

– Простите, Стив, но это невозможно. Мы связаны с ними соглашением о конфиденциальности. Как, впрочем, и с другими нашими клиентами. В вашем контракте, как вы знаете, тоже есть такой пункт.

– Разумеется, Том, мне это известно. И я понимаю ваше положение. Но таково распоряжение из Лондона, и все, что я могу сделать, – это довести его до вашего сведения. Мне также поручено передать, что подписание контракта будет зависеть от принятия этого условия. Очень сожалею.

– Видите ли, Стив, я не имею полномочий обсуждать такие вопросы. Я передам ваше условие руководству фирмы, но, честно скажу, мне не приходилось сталкиваться с подобными делами...

– О'кей, Том. Лондон хотел бы получить ответ сегодня во второй половине дня.

Экстренное совещание у президента «Лог Текникал» Артура Митчелла было бурным и продолжалось два часа. Участники говорили о выкручивании рук, о репутации фирмы, о профессиональной этике. Но все решило напоминание вице-президента по маркетингу Эда Брэдли о жесточайшей конкуренции на рынке сервисных услуг. Борьба за клиентов – это борьба за существование. «“Альбион” действует в серой зоне. Там другие правила, вернее – там нет правил», – заключил он. В итоге было решено принять условие Холдера, но потребовать гарантий того, что репутация фирмы не пострадает.

Гарантии были даны, контракт подписан, и «Альбион Энерджи» получила необходимые ей материалы «Дабл Эй». Они были немедленно переданы в Лондон и легли на стол Ларри Эванса. Из них следовало, что скважина «Дабл Эй» обнаружила два нефтяных пласта – верхний толщиной двадцать пять метров и нижний толщиной сорок восемь метров. Оба пласта перфорированы и дали притоки фонтанной нефти. Кроме того, поступила информация, что на блоке Уинтон начнется бурение двух дополнительных скважин по треугольной сетке.

После того, как Эванс сообщил президенту компании Энтони Крэйгу о своем разговоре с Биллом Дэвисом, он получил карт-бланш на руководство всеми операциями, связанными с «Дабл Эй». И сейчас он созвал совещание, на котором присутствовали вице-президент по финансам Эндрю Холл, вице-президент по зарубежным операциям Гарри Бриссон и подчиненный ему начальник отдела специальных проектов Рональд Кларк. «Специальные проекты» – это был эвфемизм, которым обозначались все виды деятельности по защите разнообразных интересов компании – технологических, финансовых, маркетинговых и так далее. От других подразделений отдел отличался широкой независимостью и многими привилегиями, главной из которых было так называемое гибкое финансирование. Иными словами, его бюджет мог быть существенно увеличен, если возникали неожиданные обстоятельства, требующие крупных расходов. О подлинных задачах отдела было известно только руководству компании.

Эванс проинформировал приглашенных об обстановке на блоке Уинтон и попросил их высказать свое мнение. Все согласились с тем, что события разворачиваются по сценарию, который «Дабл Эй» ранее реализовала в Альберте. Затем выступил Кларк. Он коротко остановился на ошибках, которые допустила «Игл Корпорэйшн» в аналогичной ситуации и которые он объяснил отсутствием профессионализма. Кларк предложил без промедления перейти к первому варианту плана, представленного им ранее. Предложение было одобрено, и Эндрю Холлу поручили его финансовое обеспечение. Кларку предоставили все необходимые полномочия, касающиеся этого варианта, и он должен был в ближайшие дни вылететь в Австралию с тремя другими сотрудниками отдела.

19

Совместный бизнес Шмуэля и Раджа в Австралии был связан с экспортом шерсти и пшеницы и импортом удобрений и текстиля. Их компания занимала не последнее место в австралийской Ассоциации международной торговли. Радж, у которого были также деловые интересы в соседней Индонезии, бывал в Австралии довольно часто. Шмуэль только два раза приезжал в эту далекую страну, но ему всегда хотелось познакомиться с ней поближе. Поэтому когда Радж сообщил, что пришел на «Звезде Галилеи» в Джакарту и собирается оттуда идти в Перт, главный город штата Западная Австралия, Шмуэль задумал устроить там долгожданную встречу со своим старым другом и пригласить на нее Алекса и Андрея. Раджу понравилась эта идея.

Андрей давно хотел посмотреть, как ведется разведка, бурится скважина, увидеть, что происходит после того, как он заканчивает свою часть работы – анализ образцов почвы. И такая возможность представилась. Шмуэль сообщил ему о предстоящей встрече и спросил – не хочет ли он принять в ней участие. Андрей с радостью согласился. Было решено, что сначала он проведет какое-то время с Алексом в Лонгриче, а потом они вместе прилетят в Перт.

В салоне бизнес-класса «боинга», летевшего из Гонконга в Сидней, Андрей оказался соседом приятной супружеской пары. Завязался легкий дорожный разговор, который вскоре коснулся экономического бума в Австралии. Собеседник Андрея, напоминавший какого-то известного киноактера, хорошо разбирался в этом вопросе и с увлечением рассказывал о больших возможностях, которые открываются там для предприимчивых людей. Узнав, что Андрей связан с разведкой нефти, он с каким-то особым чувством заметил: «О, нефть! Когда-то и я ею занимался. А теперь вот сменил профессию. И не жалею, знаете ли. Сейчас у меня в Сиднее совсем другой бизнес. Если когда-нибудь надумаете поселиться в наших краях, буду рад оказать содействие». С этими словами он протянул свою визитную карточку. Андрей прочитал: «Глобус Корпорэйшн». Торговля недвижимостью. Австралия – Европа – Северная Америка. Карло Тибальди, президент». Мистер Тибальди был бы чрезвычайно удивлен, узнав, какую роль сыграл в его жизни человек, сидящий в соседнем кресле. Впрочем, сам сосед удивился бы не меньше...

Узнай Андрей об обстоятельствах превращения Роберто Массини в Карло Тибальди, он бы поразился тому, сколько людей, не имевших к группе «Дабл Эй» никакого отношения, а зачастую даже не слышавших о ней, оказались втянутыми в водоворот событий, созданный ее внезапным появлением в нефтеразведочном бизнесе. Среди них были руководители корпораций, скауты, работники сервисных компаний, журналисты, частные детективы, скромный электромеханик и его подруга, пылкий геофизик со своей возлюбленной, инструктор по аэробике, отставной генерал, полковник военной разведки и даже католический священник. Всех их так или иначе коснулось то, что делали Андрей и Алекс. И число этих лю-

дей постоянно росло, образуя длинную цепочку, в которой одна человеческая жизнь цеплялась причудливым образом за другую, вовлекая все новых участников. Кто может заглянуть в будущее и сказать, когда и на ком цепочка оборвется?.. Некому таинственному режиссеру этих событий, имя которому «случай», было угодно свести Андрея и Роберто вместе на короткое время, словно раздумывая – стоит ли продолжить их знакомство и следует ли открыть им тайну друг друга? Но в конце концов судьба, которая выше случая, распорядилась оставить все как есть, не вмешиваясь в естественный ход событий и не превращая их в тривиальный киносценарий. Поэтому сойдя с трапа самолета, случайные попутчики попрощались и расстались навсегда.

...Андрей и Кларк появились в Лонгриче почти одновременно. Кларк узнал его по фотографии еще в самолете, когда они летели одним рейсом в Сидней. «Доктор Андрей Шейнман, физик, официально нигде не работает, женат, двое детей» – эту короткую справку Кларк знал наизусть. В аэропорту Андрея встретил Гидеон, и они сразу же отправились на машине в Лонгрич. Группа Кларка задержалась в Сиднее на сутки, где к ней присоединились еще четыре человека. Затем все они вылетели в Лонгрич на небольшом самолете компании «Альбион Энерджи».

А в это время океанская яхта «Звезда Галилеи» входила в устье реки Сван, направляясь к месту якорной стоянки в заливе Фрэш Уотер, расположенном внутри Перта. Яхта шла под двумя флагами: трехцветным индийским с синим кругом посередине и личным штандартом Раджа – два снежных гималайских пика на зеленом фоне, символ его родного Кашмира. Шмуэль должен был прилететь в Перт из Израиля через две недели.

Вскоре после приезда Андрея в Лонгрич Алекс отправился с ним на блок Уинтон – показать скважины и объяснить, как ведется разведка. За мощным джипом «форд эксплорер», который вел Алекс, следовал на такой же машине Габриэль. В течение дня они объехали три скважины, поговорили с инженерами, встретились с Гидеоном и уже в сумерках возвращались обратно. В пятнадцати километрах от Лонгрича дорога делала крутой поворот. Машина Алекса уже вошла в него, и Габриэль на мгновение потерял ее из вида. В этот момент встречный грузовик срезал угол поворота и столкнулся с его джипом. У машины был смят капот, потекло масло и разбито лобовое стекло. Лицо Габриэля было порезано осколками. Грузовик отделался лишь помятым бампером. Водитель выскочил из него и начал извиняться, не отрицая свою вину и пытаясь помочь. Габриэль не стал выяснять с ним отношения, а тут же набрал код мобильного телефона Алекса. Алекс не отвечал. Поняв, что авария подстроена, он внезапно нанес водителю два сильных встречных удара по шее ребрами обеих ладоней, за которыми последовал специальный болевой прием, бросивший противника на землю в полубессознательном состоянии. Его инструктор по рукопашному бою называл эту комбинацию «цхок бацад»⁴. Габриэль обыскал водителя и нашел пистолет. Забрав оружие, он вскочил в грузовик, развернулся и помчался в сторону города. Джип Алекса он увидел на обочине в трехстах метрах от поворота. Людей в нем не было. Провода системы зажигания были вырваны. Не медля ни секунды, Габриэль вернулся к повороту. Водитель грузовика все еще корчился на земле от боли. Он связал его, засунул кляп в рот, закрыл повязкой глаза и уложил на пол кабины. Затем позвонил Гидеону на скважину.

– Гиди, хатифа⁵. Немедленно отправляйся в Лонгрич. На пятнадцатом километре, перед поворотом и в трехстах метрах за ним, увидишь наши машины. Не

⁴ «Шутки в сторону» – иврит.

⁵ Похищение – иврит.

останавливайся. В «Козерог» не заезжай. Встретимся на Дизенгоф (для подобных ситуаций у них было два запасных места встречи, обозначенных названиями тель-авивских улиц; «Дизенгоф» – это домик, который они снимали на окраине города).

После этого Габриэль позвонил Шмуэлю в Кесарию, разбудил его и сообщил о случившемся. Было уже совсем темно, когда он подъехал к домику «Дизенгоф». Гидеона еще не было. Габриэль решил подождать его, не выходя из машины. Гидеон прибыл через сорок минут, и они вдвоем внесли в дом водителя грузовика. Привязав его к водяному стояку, Габриэль и Гидеон отправились на обеих машинах к крутому обрыву над рекой Томпсон и сбросили с него грузовик. Они подождали, пока машина исчезла под водой, и вернулись обратно на джипе Гидеона.

20

Сразу за поворотом джип Алекса стали преследовать две машины. Одна из них ударила его в левый борт и прижала к обочине, а другая заблокировала дорогу. Из них выскочили несколько человек, вытащили Алекса и Андрея, набросили мешки на голову, перенесли в разные машины и умчались. Вся операция заняла меньше пяти минут. В дороге похитители молчали.

...Алекса ввели в помещение, усадили в кресло и сняли мешок. Он осмотрелся. Помещение выглядело как обыкновенная жилая комната. В кресле напротив сидел человек лет сорока, с пышной шевелюрой и внешностью профессора. Это был Рональд Кларк.

– Здравствуйте, доктор Франк. Меня зовут Майк Гопкинс. Прежде всего я должен извиниться за то, что нам пришлось действовать столь неучтиво, чтобы иметь возможность побеседовать с вами в спокойной обстановке.

– Где мой товарищ? – перебил его Алекс.

– Доктор Шейнман недалеко отсюда, в столь же безопасных и комфортабельных условиях, как и вы. Итак, позвольте мне продолжить.

– Не торопитесь. За нами ехала другая машина. Что с ее водителем?

– Я, право, не знаю, что с ним. Не думаю, что что-то серьезное. Возможно, легкая авария, не больше. Как только узнаю, сообщу. Но я все-таки хотел бы продолжить, с вашего разрешения. Дело в том, что я представляю одну из крупнейших международных нефтяных корпораций. А вы, как нам обоим известно, владеете методом прямого обнаружения нефти. Это колоссальное техническое достижение. Вы преуспели там, где потерпели неудачу все остальные компании и исследовательские центры. Позвольте от имени корпорации выразить вам свое восхищение. Но оказавшись по воле судьбы, а точнее – благодаря вашему и доктора Шейнмана таланту – обладателями прямого метода, вы не можете игнорировать интересы мирового нефтяного сообщества. Надеюсь, вы понимаете – то, что вам удалось в Альберте и сейчас здесь, в Квинслэнде, не будет продолжаться долго. Вы бросили вызов одному из самых могущественных бизнесов в мире. Надо быть безумцем или наивным человеком, чтобы рассчитывать на успех в этом противоборстве. Насколько нам известно, вы ни тот ни другой. Вот здесь мы и подходим к сути дела. Какова ваша цель? Деньги, большие деньги. Это понятно, логично и справедливо. Но вам следует понять одну простую вещь – с каждым новым разведочным блоком вы будете привлекать к себе все больше внимания. То, что прошло почти незамеченным во время вашего дебюта в Альберте, уже вызвало повышенный интерес в Квинслэнде. И этот интерес будет неуклонно расти. Недалек день, когда за вами начнут охотиться в буквальном смысле слова. В этой охоте будут участвовать все те, кто увидит в вас угрозу своим интересам. А это десятки компаний, многие десятки. И даже если в конце концов вы уступите нажиму или шантажу одной из них, это не спасет вас. Охотников, как я сказал, будет слишком много. Они не смогут поделить вас или прийти к соглашению между

собой. И они не допустят, чтобы кто-то один из них вырвался вперед и стал эксклюзивным обладателем вашего метода. Но сейчас мы говорим не о них, а о вас. Не хочу пугать вас, доктор Франк, но шансов уцелеть в этой схватке у «Дабл Эй» просто не будет. Я имею в виду не только компанию, но вас и доктора Шейнмана лично. В такой ситуации обладание большими деньгами будет лишено всякого смысла. Когда человека нет, не имеет значения, был он богат или беден. А теперь вернемся к тому, что я сказал вначале. Сегодня наша корпорация единственная, кто всерьез заинтересовался вашим методом. Мы собрали наиболее полную информацию о вас и докторе Шейнмане. И пока вокруг вас еще не бушуют страсти, мы предлагаем вам сотрудничество в любой удобной для вас форме – приобретение вашей технологии и ноу-хау, их совместное использование, долевое участие или другой вид партнерства. Вы, конечно, понимаете, что в любом случае ваше вознаграждение составит огромную сумму. И вам не придется больше думать о личной безопасности. Наша корпорация обеспечит ее как неотъемлемую часть своих собственных интересов. Вот, пожалуй, то, с чего мне хотелось бы начать наш разговор. А теперь я хотел бы услышать ваше мнение обо всем этом, доктор Франк.

– Правильно ли я понимаю, мистер Гопкинс, что вы официально уполномочены некой корпорацией сделать компании «Дабл Эй» определенные деловые предложения?

– Абсолютно правильно.

– И эта корпорация, название которой вы избегаете произносить, действительно является, как вы говорите, одной из крупнейших в международном нефтяном бизнесе?

– Да, это действительно так.

– Почему же, в таком случае, она действует как мафиозная группировка, а вы, ее официальный представитель, ведете себя как обыкновенный гангстер? И если вы скрываете название корпорации, то скорее всего ваше настоящее имя тоже не Гопкинс.

Кларк улыбнулся.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, доктор Франк. Действительно, было бы намного проще договориться о встрече в вашем или нашем офисе и обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес. Можете мне поверить, обычно мы так и делаем. Но в данном случае мы не могли действовать подобным образом. Мы хотим вести переговоры только с вами и доктором Шейнманом. Нас не интересуют те, кто финансирует вас и с кем вы несомненно связаны определенными обязательствами. Если бы мы вели переговоры традиционным способом, то эти люди были бы неизбежно вовлечены в них. И я не уверен, что мы смогли бы с ними договориться.

– Я не очень понимаю, каким образом вы можете помешать нам привлечь к так называемым переговорам тех, кто столь нежелателен для вас и кто, как вы говорите, финансирует нас?

– Этот вопрос показывает, что вы, доктор Франк, не вполне адекватно оцениваете ситуацию. Вы же просто лишены возможности связаться с кем-либо без моего согласия.

– И как долго это будет продолжаться?

– Полагаю, до тех пор, пока мы не придем к соглашению.

– Ну, а если мы не придем к нему? Что тогда?

– Мне бы не хотелось сейчас рассматривать такой вариант. Это преждевременно. Но поскольку вы сами затронули этот вопрос, могу лишь сказать, что такая ситуация тоже предусмотрена.

– Вы нас убьете?

– Доктор Франк, я ничего не могу добавить к тому, что сказал.

– Хорошо. Вы сказали, что хотите вести переговоры только со мной и доктором Шейнманом. Но ведь он оказался здесь случайно. Обычно он не приезжает в район разведки. Как бы в таком случае вы вели с ним переговоры?

– Хороший вопрос. Нам бы пришлось доставить его сюда. Не силой, разумеется. У нас есть другие способы. Приезд доктора Шейнмана – это лишь удачное совпадение. Оно избавило нас от дополнительной операции.

– Откуда вы собирались его доставить?

– Из Израиля, разумеется, – Кларк улыбнулся. – Ваши вопросы, доктор Франк, показывают, что вы не отнеслись серьезно к моим словам об информации, собранной нами о вас и докторе Шейнмане. Поэтому я хотел бы показать несколько фотографий, которые помогут вам оценить наши усилия.

С этими словами Кларк раскрыл лежавшую на столе папку, вынул из нее пачку больших фотографий и разложил их перед Алексом. На них были виллы Алекса и Андрея в Кесарии. На одной из фотографий из виллы выходила Рахель, на другой рядом с домом стоял Ури в военной форме. На следующем снимке Андрей и Рахель разговаривали около дома Андрея. Была также фотография с женой и детьми Андрея.

– У вас есть вопросы, доктор Франк? – спросил Кларк, не скрывая удовольствия от произведенного эффекта.

– Зачем вы это сделали?

– Вас удовлетворит, если я скажу, что это рутинная процедура сбора информации о потенциальном партнере перед переговорами? А в данном случае мы были несколько дезориентированы слухами о том, что вы и доктор Шейнман живете не то в Италии, не то в Южной Африке. Поэтому нам пришлось приложить некоторые усилия и установить ваш настоящий адрес. Израиль – прекрасная маленькая страна, но очень беспокойная. Мне рассказывали, что палестинские террористы похищают израильских солдат прямо на дорогах. У вас ведь сын солдат, доктор Франк. Представляю, как вы должны беспокоиться за Ури...

Слова Кларка звучали все более зловеще. Надо было что-то придумать, как-то выбраться из западни. Главное – сбить с толку, оглушить, вывернуть мозги этому мерзавцу. Алекс умел это делать. Друзья не раз признавались, что никогда не знают, говорит он серьезно или шутит. И то и другое у него получалось одинаково убедительно. Но раньше это были дружеские розыгрыши, а сейчас речь шла о жизни и смерти. В памяти всплыл знаменитый ответ Хосе Капабланки на вопрос – сколько ходов вперед он может просчитать? «Я вижу только на один ход вперед, но это всегда правильный ход», – ответил чемпион мира. Каков он, этот единственный правильный ход? «В болтовне Гопкинса есть какие-то зацепки. Он упомянул Италию и Южную Африку. Значит, здесь замешана “Игл Корпорэйшн”. Что еще? – Мозг Алекса работал как аналитическая машина. – Билл Дэвис сказал в Калгари Ларри Эвансу из “Альбион Энерджи”, что “Дабл Эй” – это итальянская компания. “Альбион” – наш сосед по блоку. И это действительно одна из крупнейших международных корпораций. Ну что ж, начну с этого. А там по обстоятельствам. Но сначала – запугать, перехватить инициативу». Алекс приступил к самому дерзкому розыгрышу в своей жизни.

– Я вас понял, мистер Гопкинс. Вы действительно хорошо поработали. Но в вашей концепции переговоров, как вы их называете, есть крупный просчет. Вы сказали, что вас не интересуют те, кто нас финансирует. В этом ваша ошибка и одновременно некая случайная удача, если так можно выразиться. Впрочем, удача лишь временная. Если бы вы направили усилия в этом направлении и попытались выяснить, кто именно обеспечивает нам финансовую и организационную поддержку, а также нашу личную безопасность, то это моментально отбило бы у вас всякое желание предлагать нам сотрудничество и вообще соваться с так называемыми деловыми предложениями. Я сейчас скажу то, что не должен говорить. И

делаю это с единственной целью – предостеречь вас и вашу корпорацию от дальнейших глупостей. А теперь ответьте на один вопрос – вы знаете, что такое «Мосад»? – Алекс сделал паузу и закончил нарочито грубо: – Я не слышу ответа, Гопкинс. Вы что, оглохли?

– А при чем здесь вы? Вы, кажется, решили запугать меня. Вы в своем уме, доктор Франк?

– Я так и не услышал ответ. Слово «Мосад» вам о чем-то говорит?

– Ну, допустим. Это израильская разведка. Уж не хотите ли вы сказать, что вы сотрудник «Мосада»? – Кларк рассмеялся.

– Прекрасно. Значит, вы знаете, что такое «Мосад». Нет, я не сотрудник. Ни я, ни доктор Шейнман. Просто «Мосад» финансировал разработку прямого метода и является его эксклюзивным владельцем. А вся прибыль от продажи месторождений идет непосредственно в бюджет организации. Вам это трудно понять. Вы не знаете израильской специфики. Вы сказали, что Израиль – прекрасная маленькая страна. Но она еще и необычная страна. В ней возможно то, что немыслимо где-либо еще. Я рассказываю это только потому, что вы, Гопкинс, или как там ваше настоящее имя, в сущности конченный человек...

Кларк взорвался.

– Прекратите этот шантаж и демагогию! Вы усугубляете свое положение. Я буду вынужден прибегнуть к другим мерам, и вы быстро забудете ваши сказки. Перестаньте фантазировать. Я предлагаю вам говорить о деле...

– Поздно, Гопкинс. Вы заварили эту кашу и лучше подумайте, как будете ее расхлебывать. А теперь слушайте дальше. Каждая компания, которая начинает проявлять повышенный интерес к «Дабл Эй», автоматически попадает в поле зрения «Мосада». И на все ее руководство, вплоть до начальников отделов, составляется подробное досье. Так было с «Игл Корпорэйшн», по которой у нас есть детальная информация, начиная от бедняги Джона Андерсона и кончая Биллом Дэвисом и Джеком Тэйлором. С «Игл» мы обошлись мягко. Они просто прогулялись в Италию, и на этом их пыл остыл, к счастью для них. Но с «Альбион Энерджи», видимо, нужно будет разбираться по-другому. Кстати, в досье на вашу верхушку, которое включает Ларри Эванса и всех, кто выше и ниже его, вплоть до начальников отделов, нет имени Гопкинс. Ну ничего, мы выясним ваше настоящее имя.

Кларк судорожно глотал воздух. Он стучал кулаком по столу и вяло выкрикивал: «Замолчите! Все это ложь! Вы пожалеете!» Но Алекс был в ударе, он и не думал останавливаться. Он понимал, что должен запугать окончательно этого самоуверенного наглеца, рассеять у него малейшие сомнения в истинности этой фантастической истории. Только так можно вырваться из западни.

– И учтите еще одну вещь, Гопкинс, – условно буду называть вас этим именем, – «Мосад» составляет досье не для того, чтобы потом показывать фотографии жен и детей. Мы такими дешевыми трюками не занимаемся. Когда что-то случается с нашими людьми, то виновные в преступлении просто взрываются в своих машинах и офисах. И если у вас есть хоть капля воображения, то представьте себе, что будет с теми, кто задумал посягнуть на святая святых – бюджет организации. А я и доктор Шейнман – это немалая часть бюджета. И наконец, расскажу вам, что происходит сейчас, в эту самую минуту.

Алекс взглянул на часы.

– Три часа назад ваши бандиты схватили меня и доктора Шейнмана. Офицер «Мосада», сопровождавший нас на второй машине, убит или ранен в результате подстроенной аварии. По существующей инструкции, другой офицер, который постоянно находится в Лонгриче, должен сообщить резиденту в Канберре о нашем исчезновении в течение получаса, если мы не прибудем в назначенное время и связь с нами будет прервана. Итак, резидент получил сигнал тревоги

два с половиной часа назад. Можете не сомневаться, что оперативная группа «Мосада» уже приближается к Лонгричу. Это профессионалы, не чета вашим бандам. Резиденту известно, что главный подозреваемый – это «Альбион Энерджи». Вы уже давно занимаете первое место в нашем списке, еще с тех пор, как Ларри Эванс узнал о «Дабл Эй» от Билла Дэвиса в Калгари, на конференции в «Холлидей Инн». Кстати, передайте Эвансу, что его шутка насчет того, что «Дабл Эй» – это филиал Си-Ай-Эй, была не так уж далека от истины. Он поймет, что я имею в виду. Расположение ваших офисов, списочный состав ведущих сотрудников и их домашние адреса хорошо известны. Пеняйте на себя, Гопкинс, если с ними что-то случится. Но это еще не все. Сообщение о нашем исчезновении передано в Тель-Авив, а оттуда – резиденту в Лондоне. Поэтому если Ларри Эванс вдруг исчезнет по пути из дома в офис, вам не следует удивляться. Не хотел бы я сейчас быть на вашем месте.

На Кларка жалко было смотреть. Он напоминал молодого неопытного тигра, который захотел полакомиться маленьким безобидным с виду зверьком, но вдруг вместо мяса напоролся на острые иглы дикобраза.

– А теперь, Гопкинс, или как вас там, немедленно пригласите сюда доктора Шейнмана. Без него продолжения разговора не будет.

Через минуту Андрея привели из соседней комнаты. Вид у него был растерянный. Видимо, ему тоже показали фотографии. Алекс обнял его и прошептал на ухо: «Не дрейфь, Андрюха, я их запугал “Мосадом”. У них полные штаны». Андрей сделал круглые глаза, потом как-то сразу подобрался и выпрямился. Он не раз был свидетелем знаменитых розыгрышей Алекса...

В этот момент к Кларку подошел сотрудник и сообщил, что Боб Дуглас бесследно исчез вместе с грузовиком. Узнав об этом, Кларк пристально посмотрел на Алекса и прошептал: «Они уже здесь». Сотрудник удивленно спросил: «Вы о ком, босс?» Вопрос остался без ответа. Алекс не слышал их разговор, он был занят Андреем.

21

А в это время в домике «Дизенгоф» Габриэль и Гидеон занимались Бобом Дугласом. Это был тридцатилетний парень с квадратным подбородком и стрижкой бобриком, коротконогий и широкоплечий. «Роцеах амети»⁶, – подумал Габриэль. Он медленно приходил в себя после того, как на нем была отработана комбинация «цхок бацад». У него обнаружили визитную карточку работника «Альбион Энерджи». Сначала он твердил, что авария произошла случайно, он просто срезал угол на повороте, не ожидая встречной машины. Но через несколько минут его собеседникам надоела эта история. Они применили то, что известно широкой публике как «особое обращение при допросе». И Дуглас заговорил. Казалось, он только и ждет следующего вопроса, чтобы выложить все, что знает. Правда, пару раз между вопросом и ответом возникала слишком долгая пауза, и было видно, что он мучительно придумывает какую-то версию, чтобы уйти от ответа. Тогда Гидеон начинал медленно снимать пиджак, и Дуглас вспоминал подробности, имена и адреса.

Он рассказал, что работает в отделе специальных проектов. Руководит операцией начальник отдела Рональд Кларк, который прилетел с группой из трех человек из Лондона. В Сиднее к ним присоединились еще четверо работников компании. В Лонгриче группа пополнилась двумя сотрудниками австралийского филиала, которые до этого собирали всю оперативную информацию о «Дабл Эй». Целью операции было похищение доктора Франка и доктора Шейнмана, которого они

⁶ Настоящий убийца – иврит.

опознали еще в самолете и прибытие которого в Австралию было для них неожиданностью.

На вопрос, где находятся похищенные, Дуглас не мог дать вразумительный ответ. Он начал описывать некий дом за глухим забором, но не знал его номер и название улицы. Габриэль и Гидеон переглянулись, и Гидеон снял пиджак. Дуглас тут же вспомнил точный адрес и показал место на карте города. Он сообщил, что дом оснащен системой сигнализации и охрана вооружена. Внешнее охранение постоянно несут пять человек. Остальные находятся внутри дома. На просьбу нарисовать его план Дуглас ответил, что не помнит точное расположение комнат. Гидеону пришлось снова помочь ему с помощью пиджака, после чего на листе бумаги появился довольно грамотный чертеж с обозначением дверей, окон и внутренних помещений.

– Учти, Боб, – сказал Габриэль, – если хотя бы одна деталь в твоём рассказе окажется неверной, ты последуешь за своим грузовиком (в начале беседы Дуглас спросил, где его машина? Гидеон ответил: забудь о ней, ее больше нет, она умерла и похоронена).

– Клянусь, джентльмены, я говорил только правду, – искренне заверил Дуглас.

Гидеон остался с Дугласом, а Габриэль отправился по названному им адресу и провел внешний осмотр дома. Вернувшись, он рассказал об увиденном Гидеону, и они пришли к выводу, что вдвоем бессильны что-либо сделать. Габриэль позвонил Шмуэлю в Израиль, дал подробный отчет о событиях и анализ обстановки.

– Может быть, нам следует обратиться в полицию? – спросил он. – Ведь речь идет об уголовном преступлении.

– Нет, это не годится, – ответил Шмуэль, – ставки слишком высоки. Они убьют их, как только полиция начнет заниматься этим делом. А потом заметут следы.

– Тогда нужны люди, человек восемь. Вдвоем мы не справимся.

Шмуэль сказал, что начинает работать над этим и будет информировать их по мере появления новостей. С этого момента добродушный старик с мягкими манерами, каким его знали окружающие, как бы сбросил с себя груз возраста и снова превратился в того молодого бесстрашного подпольщика, который был известен когда-то под именем «Шмулик-пистолет» – за умение мастерски владеть оружием и поражать цель из любого положения. Участие в многочисленных секретных операциях, акциях возмездия, доставке в страну оружия и транспортов с нелегальной алией – все это сделало командира группы «Шимшон»⁷ легендой сороковых годов. И вот теперь тот прежний Шмулик сидел в кресле одного из богатейших людей Израиля и снова обдумывал боевую операцию. Он дал ей кодовое название «Альбион». Взгляд его стал холодным и жестким. Из уголков глаз исчез привычный хитроватый прищур...

Его первая мысль была о Радже. Он уже находится в Перте, правда, на расстоянии трех тысяч километров от Лонгрича, но это все-таки Австралия. Шмуэль знал, что, выходя на яхте в район Индонезийского и Филиппинского архипелагов, Радж всегда имеет на борту хорошо вооруженную охрану. Внутренние моря между островами этих архипелагов кишат пиратскими судами. Это последний сохранившийся в мире район, где еще существует морское пиратство. Имея быстроходные катера и современное вооружение, пираты нападают на торговые и пассажирские суда, грабят их и убивают пассажиров. Поэтому «Звезда Галилеи» была, по существу, военным кораблем. На ее верхней палубе стояли замаскированные спаренные зенитные пулеметы, на корме и вдоль бортов имела целая батарея скорострельных пушек. Яхте уже приходилось топить пиратские катера. Ее экипаж и отряд личной охраны Раджа состояли из отборных индийских командос. Все они были сикхи, как и сам Радж. Этот гордый воинственный народ почти полтора

⁷ В русской транскрипции «Самсон» – герой библейской легенды о Самсоне и Далиле.

лет ведет борьбу за свою независимость, с тех пор как в середине девятнадцатого столетия Англия захватила Кашмир, жестоко подавила сопротивление сикхов и уничтожила их государство. После покорения Кашмира сикхи стали лучшими солдатами в британской колониальной армии. Эта слава сохраняется за ними и в современной индийской армии.

Шмуэля и Раджа связывали не только многолетняя дружба и общие деловые интересы. Каждый из них всегда был готов прийти на помощь другому в любых обстоятельствах, как бы сложны и рискованны они не были. Однажды, восемь лет назад, Радж решил прозондировать возможность участия в нефтяном бизнесе в Ираке. Он отправил своего младшего брата с тремя специалистами в нефтяной район на севере страны для изучения экономической ситуации. Однако время для этого оказалось неудачным – шла затяжная кровопролитная война между Ираком и Ираном. Как и все войны в регионе во второй половине двадцатого века, она велась из-за нефти. Поездка делегации была согласована с высокопоставленным иракским чиновником, но в Багдаде произошла очередная чистка и чиновника расстреляли. Начались гонения на всех, кто был с ним связан. Людей Раджа арестовали и обвинили в шпионаже в пользу Ирана. Военный трибунал в Мосуле, главном городе Иракского Курдистана, приговорил их к смертной казни. Четверо индийцев содержались в городской тюрьме в ожидании исполнения приговора. Радж начал немедленно действовать по всем каналам, пытаясь повлиять на власти в Багдаде, но его усилия были безрезультатны. Тогда он обратился к Шмуэлю.

На следующий день майор спецназа Давид Бен-Эзра «уволился» из армии по личным обстоятельствам и в тот же вечер покинул Израиль. А ещё через два дня шейх Мустафа Эль-Бадр принимал у себя дома в городке Захо, в Иракском Курдистане недалеко от турецкой границы, своего старого друга Дауда. Со времени их последней встречи прошло три года. Они сидели в просторной увешанной коврами комнате, ели гургу из мяса молодого барашка и курили кальян. Гость хвалил кулинарное искусство хозяина и поглощал еду с нескрываемым аппетитом, доставляя тому большое удовольствие. Когда подали фрукты и сладости, шейх начал неспешный ритуальный разговор.

– Как здоровье твоего почтенного отца, уважаемый Дауд?

– Спасибо, уважаемый Мустафа. Мой отец чувствует себя хорошо, несмотря на преклонный возраст.

– Как здоровье твоего старшего сына?

– Мой старший сын здоров и занят своими делами.

– А как здоровье твоего младшего сына?

– Мой младший сын здоров и успешно учится.

– Как здоровье твоей жены?

– Моя жена здорова и ведёт семейное хозяйство.

После этого настала очередь гостя задавать вопросы. Он последовательно осведомился о здоровье сыновей, братьев и трёх жён шейха. К их обоюдному удовлетворению все члены его большой семьи были здоровы и благополучны. О женщинах, исключая жён, спрашивать было излишне. Затем Дауд задал вопрос, ответ на который был известен ему заранее.

– Я рад, что твоя семья благополучна и дом полон достатка. Но может быть есть что-то, в чём уважаемый Мустафа нуждается?

– Я нуждаюсь в оружии, – шейх оживился, он ждал этого вопроса, – мне нужно много оружия. Столько же, сколько я получил от тебя три года назад. Мы потеряли большую часть того, что у нас было, в тяжёлых боях. Можешь ли ты восполнить эти потери?

– К сожалению, сейчас положение изменилось, уважаемый Мустафа, и я не могу снабдить тебя оружием. Но я могу помочь тебе получить много денег, на которые ты купишь всё, в чём нуждаешься, – ответил Дауд.

– Говори, – сказал шейх.

...Той же ночью отряд курдов на пяти джипах пересёк реку Хабар и устремился на юг к реке Тигр, через район, контролируемый шейхом. Командовал отрядом его брат Масуд, военным советником которого был Дауд, личный друг Мустафы Эль-Бадра. Дауд говорил по-арабски на незнакомом диалекте, но курды понимали его. К утру, обогнув охраняемый иракской армией нефтяной промысел Айн-Зала, отряд вышел к деревне Бутма, где его уже ждали двадцать пять осёдланных лошадей, специально обученных для передвижения в горах. Курды называют их «сус джабали» – горная лошадь. После короткого отдыха продолжили путь верхом по территории, патрулируемой иракскими войсками. Проводники вели отряд по тропам, которых нет на карте, обходя армейские заставы. С наступлением темноты подошли к развалинам Ниневии на левом берегу Тигра и устроили недолгий привал. Напротив, на правом берегу реки тускло мерцали уличные фонари Мосула.

Майор Бен-Эзра лежал на спине среди древних руин, подложив под голову бронезилят, и смотрел в чёрное ночное небо Горного Курдистана. Воздух был кристально прозрачен, и звёзды сверкали алмазным блеском. Ниневия... Что говорило ему это слово? Он пытался вспомнить всё, что знал о ней. Некогда процветающая столица Ассирийской империи с крупнейшей в древнем мире библиотекой клинописных табличек, культовый центр Астарты, богини сексуальной любви. После нападения Ассирии на Иудею пророки Цфания и Нахум предрекли Ниневии гибель. Пророчество сбылось – в седьмом веке до новой эры город был разрушен мидийцами и вавилонянами. Что ещё? Через Ниневию пролегал маршрут, по которому четыре тысячи лет назад небольшой караван из города Ур в Южной Месопотамии двигался в торговый город Харан, что в нынешней южной Турции. Во главе каравана шёл халдей Терах, которого сопровождали сын Аврам со своей женой Сарай и внук Лот. В Харане Терах умер, а Аврам и остальные домочадцы, повинувшись воле Всевышнего, повернули на юг, в страну Ханаан, обещанную их потомкам. Там Аврам стал праотцем Авраамом, а его жена Сарай – праматерью Саррой. Так начиналась история народа. И сейчас те же звёзды сверкали на небе, в которое вглядывался Бен-Эзра, и так же кристально прозрачен был ночной воздух горной страны, как и четыре тысячелетия назад. И по-прежнему здесь шли бесконечные войны...

В полночь отряд бесшумно переправился через Тигр и вошёл в спящий город. Курды окружили тюрьму, сняли часовых и ворвались в здание. В короткой рукопашной схватке они перебили внутреннюю охрану и освободили заключённых. Затем с четырьмя индийцами покинули территорию тюрьмы и снова переправились на левый берег. Вся операция заняла менее двух часов. К утру конный отряд вышел к деревне Бутма и пересел на джипы. На следующий день радио Багдада сообщило о нападении иранских агентов на тюрьму в Мосуле и о побеге индийцев, что лишний раз доказывало их принадлежность к иранской шпионской организации и справедливость вынесенного приговора. Через месяц шейх Мустафа Эль-Бадр получил первую партию закупленного им оружия.

Было это восемь лет назад. А сейчас Шмуэль сам нуждался в помощи своего индийского друга. Телефонный звонок застал Раджа в кают-компании за завтраком. Шмуэль рассказал о возникшей проблеме и спросил – может ли он помочь?

– Как, ты сказал, называется это место? Лонгрич? Одну минуту, Шмуэль, сейчас мне принесут карту. Расстояние три тысячи километров по прямой? Вот и карта. Да, есть такой городок. Нашел. Слушай, Шмуэль, я должен обсудить все это со своими людьми. Надеюсь, мы что-нибудь придумаем. Я сразу же сообщу тебе. А пока дай мне телефон твоих ребят в Лонгриче. И сообщи им мой телефон.

Шмуэль продиктовал Раджу номера телефонов Габриэля и Гидеона. После этого он позвонил Габриэлю и сообщил о разговоре с Раджем.

Радж перезвонил через три часа.

– Шмуэль, мои люди вылетают завтра утром. Мы зафрахтовали самолет внутренних авиалиний. Его уже готовят к рейсу. Командир группы сейчас свяжется с твоими ребятами и договорится о встрече. Надеюсь, все будет сделано как надо. Это надежные парни, моя личная охрана.

Через несколько минут зазвонил мобильный телефон Габриэля.

– Здравствуйте, мистер Каминский. Говорит Рой Сингх, командир группы. Нас десять человек. Мы вылетаем из Перта завтра в семь утра по вашему времени и в одиннадцать садимся на полосу в восьми километрах севернее Лонгрича. Самолет «джет коммандер» компании Внутренние Австралийские авиалинии. Бортовой номер семнадцать двадцать один. У вас есть какие-нибудь просьбы или пожелания? Два «узи»? Нет проблем. До встречи. Конец связи.

– Роджер, – ответил Габриэль, поняв, что разговаривает с профессионалом⁸. Операция «Альбион» началась...

22

Рональд Кларк ожидал дальнейших указаний из Лондона. После ошеломляющего разговора с Алексом он немедленно связался с Ларри Эвансом, рассказал о возникшей ситуации, об исчезновении Боба Дугласа, а затем включил кассету с полной записью разговора. Единственный отрывок, который Кларк не рискнул передать в Лондон, касался требования Алекса о немедленном приглашении Андрея. Эванс слушал кассету и одновременно записывал ее на свой магнитофон. Закончив прослушивание, он задал несколько уточняющих вопросов и сказал, что должен обсудить ситуацию с президентом. До поступления новых распоряжений Кларку предписывалось людей «Дабл Эй» не отпускать, но дальнейшие переговоры с ними прекратить.

В кабинете президента «Альбион Энерджи» Энтони Крэйга, кроме Эванса, присутствовал вице-президент по зарубежным операциям Гарри Бриссон. Эванс коротко рассказал о сложившейся обстановке, а затем включил магнитофонную запись. Все слушали с напряженным вниманием. Первым отреагировал Бриссон.

– Я этому не верю. Это блеф. Франк все придумал. Я просто не узнаю Кларка. Он профессиональный психолог. Как он мог поверить в такую чепуху?

– Не торопитесь, Гарри. А если это не блеф? – усомнился Крэйг. – Если в этом есть хотя бы доля правды? Вы представляете, в какую историю мы можем влипнуть? А возможно, уже влипли. Итальянская афера «Игл Корпорэйшн» покажется тогда просто детской забавой. «Альбион», конечно, одна из крупнейших международных компаний, но вступать в схватку с «Мосадом» мы не можем. Помните, что они сделали с теми, кто стоял за убийством их спортсменов в Мюнхене. Мы ничего не знаем об Израиле. У них там все тесно переплетено – политика, религия, разведка, бизнес. Европейцу трудно в этом разобраться. Вы исходите из того, Гарри, что Британская секретная служба ни при каких обстоятельствах не стала бы пополнять свой бюджет за счет бизнеса. Это потому, что мы – страна с традициями. В Израиле нет традиций. Вы слышали, что заявил этот доктор Франк? Если с ними что-то случится, то начнут взрываться автомашины и офисы наших людей. Это международный терроризм. От страны без традиций всего можно ожидать. Поэтому я считаю, что мы должны спокойно, без эмоций обсудить то, что сейчас услышали. Кстати, Ларри, что это за шутка насчет Си-Ай-Эй?

– Хороший вопрос вы задали, Энтони. Я только сейчас с трудом вспомнил, о чем идет речь. Это было около двух лет назад в Калгари, на какой-то конференции.

⁸ «Роджер» – кодовое слово, означающее, что сообщение получено и понято; международный термин.

Билл Дэвис, вице-президент «Игл Корпорэйшн», рассказывал мне о «Дабл Эй». Кажется, мы стояли с ним в фойе, вокруг было много народа. Тогда я впервые услышал от него название «Дабл Эй». И сказал Биллу что-то вроде того – а не филиал ли это Си-Ай-Эй? Просто пошутил, имея в виду сходное звучание. Да, как будто так оно и было. Но теперь вся эта история приобретает совсем другой смысл. И не потому, что здесь проводится параллель между «Дабл Эй» и Си-Ай-Эй, а потому, что они записали тот наш случайный разговор в фойе. Вы представляете, джентльмены, они уже тогда записывали нас! Мы еще ничего о них не знали, а они уже следили за нами. Возможно, их целью была «Игл Корпорэйшн», а мы просто попали в поле зрения вместе с ней. Но это не меняет существа дела. И если, Гарри, ты продолжаешь настаивать, что все это блеф, то как объяснить, что Франк с такой легкостью извлекает из своей памяти мои собственные слова, о которых сам я давно забыл? Я уже не говорю об «Игл Корпорэйшн». О ней они знают буквально все, включая эту итальянскую аферу, которую сами и подстроили. Так могут действовать только профессионалы высокого класса, а не обычная служба охраны нефтяной компании. Добавьте к этому загадочное исчезновение Боба Дугласа вместе с машиной. Он должен был после операции прибыть к месту сбора группы, но как в воду канул. В полиции и в местной больнице о нем ничего не знают. А Дуглас – крепкий парень и был вооружен. Вы же знаете, откуда он пришел к нам. Как хотите, джентльмены, а здесь чувствуется тот же почерк – все делается быстро, бесшумно и не остается никаких следов. Поэтому я не стал бы относиться к словам доктора Франка как к пустым угрозам. А что касается международного терроризма, то мы с вами сами утвердили план Кларка. В нем, помимо первого варианта, есть и второй – на случай, если первый не даст желаемых результатов. Поэтому я предложил бы не уделять столько внимания терминологии и моральной стороне дела, а сосредоточиться на фактах. Факты, которые нам известны, не противоречат тому, что наговорил этот Франк. И, наконец, последний вопрос – об источниках финансирования секретных служб. Все мы помним «Ирангейт» – аферу Си-Ай-Эй во времена Рейгана с продажей оружия Ирану для финансирования тайных операций в Никарагуа. Если так действуют американцы, то почему мы не можем ожидать чего-то подобного от их друзей израильтян. Одни, чтобы пополнить бюджет, продают оружие, другие – нефть. В этом есть своя логика. А недавно в прессе появились сообщения о причастности «Мосада» к поставкам российского оружия Анголе в обмен на алмазы. И занимается этим израильский бизнесмен Дов Доваев.

– Вот, вы слышали, Гарри, – заключил Крэйг, – не все так просто, как вам это представляется. Здесь есть, о чем подумать. И я меньше всего хотел бы влипнуть в какую-нибудь скандальную историю. Эта свора борзописцев из «Дэйли Стар» и другой желтой прессы только и ждет случая вцепиться в большой бизнес. Я бы не хотел, чтобы о нас написали что-то подобное андерсоновскому проктоскопу.

– Джентльмены, все, что мы услышали от Кларка и что рассказал Ларри, очень интересно, – подвел итог Бриссон. – Однако это скорее напоминает добротный сделанный детектив, что-то в духе беседы Шерлока Холмса с доктором Ватсоном. Во всяком случае, меня это не убеждает. Но я уважаю ваше мнение. И вскоре у нас будет возможность проверить, что в действительности кроется за развязными тирадами доктора Франка – блеф или что-то серьезное. Я имею в виду эту мифическую оперативную группу «Мосада», которой он запугивал Кларка. Давайте подождем дня два-три и посмотрим, появится ли она в Лонгриче. И тогда будем решать, что делать дальше. А пока пусть Кларк держит этих израильтян у себя и ждет развития событий. Я полагаю, он обеспечил полную секретность операции. Хотя исчезновение Дугласа меня и беспокоит, я не вижу причин связывать одно с другим.

23

Изящный двухмоторный «джет коммандер» летел на восток навстречу лучам восходящего солнца со скоростью восемьсот километров в час. Рой Сингх рассказывал своим людям о цели операции.

– Дело вот в чем, ребята. У нашего босса есть очень близкий друг. Он израильянин. Они дружат с юности и не раз выручали друг друга. В общем, это настоящая мужская дружба. А у израильянина есть бизнес в том городке, куда мы сейчас летим. Там работают двое его людей. Они ему как сыновья. И вот английские бандиты похитили их. Они держат этих людей в своей частной тюрьме, и их жизни угрожает опасность. Мы должны освободить их и проучить англичан. Босс сказал своему другу, что мы лучшие солдаты Индии и что мы сделаем все как надо. И израильянин ответил, что он этого никогда не забудет и что каждый из нас получит его личную благодарность. А он так же богат, как наш босс. Что скажут сикхи?

– Сикхи сделают это, – дружно ответили ребята. – Сикхи не раз били англичан. Мы побьем их и сейчас.

Это были крепкие парни, прошедшие специальную подготовку и в совершенстве владевшие восточными единоборствами. В больших спортивных сумках у каждого находилось все, что могло потребоваться для операции, – холодное и огнестрельное оружие, дымовые шашки, гранаты со слезоточивым газом, защитные маски, наручники и много других нужных вещей.

Габриэль и Гидеон были готовы к приему гостей. В домик «Дизенгоф» были завезены складные кровати, два больших холодильника, продукты. В компании по прокату автомобилей был арендован вместительный мини-бус «фольксваген каравелла». В подвальном помещении оборудовали угол для Боба Дугласа, где он был почти постоянно прикован к водяному стояку.

Перед тем как отправиться встречать самолет, Гидеон спустился в подвал.

– Послушай, Боб, – сказал он, – у тебя есть последняя возможность вспомнить, не перепутал ли ты что-нибудь или упустил кое-какие детали. Сейчас ты еще можешь все уточнить и исправить. От этого зависит твоя жизнь. Если окажется, что ты сообщил неверные данные, живым ты отсюда не выйдешь. Если ты сказал правду, мы гарантируем тебе жизнь.

Дуглас напрягся и попросил нарисованный им план дома. Он долго проверял его и, наконец, сказал, что в дальней комнате, возможно, есть еще одно окно, но полностью в этом не уверен. Он отметил это место на плане и поставил вопросительный знак.

– И это все? – спросил Гидеон.

– Клянусь жизнью, – торжественно заявил Дуглас.

Они подъехали на двух машинах к посадочной полосе за полчаса до прибытия самолета. Это не был аэродром в полном смысле слова. Полоса была приспособлена только для взлета и посадки небольших самолетов авиации общего назначения. Ее оборудование включало лишь указатели направления ветра и осветительные устройства. В обычное время полоса была безлюдна. Так было и сейчас. Стоя около машин и вглядываясь в небо, Габриэль и Гидеон вспомнили рассказ своего инструктора, который в 1973 году участвовал в рейде на базы ООП в Бейруте. Рейд был ответом на убийство израильских спортсменов в Мюнхене. Инструктор входил в группу, которая обеспечивала прием морских командос и доставку их к объектам атаки. Была темная апрельская ночь. Члены группы стояли на безлюдном бейрутском пляже и всматривались в морскую мглу, ожидая светового сигнала. Наконец, они увидели его и ответили миганием автомобильных фар. Через несколько минут из моря вышли боевые пловцы, неся в водонепроницаемых мешках оружие и гражданскую одежду...

Ситуация была в чем-то похожа. Вот они стоят вдвоем где-то в центре огромного австралийского континента и готовятся принять индийских командос, которые помогут им освободить двух израильтян. В небе на западе появилась точка. Она быстро приближалась, приобретая очертания самолета. «Джет командер» коснулся полосы ровно в одиннадцать. После короткой пробежки он остановился прямо около машин. Открылась дверь, и по короткому трапу на землю сошли рослые смуглые парни, одетые в спортивные костюмы. В руках у каждого была большая сумка. Их можно было принять за команду, прилетевшую на соревнования по крикету, столь популярному в странах Британского содружества. Короткая встреча, слова приветствия, и вот все они уже в машинах мчатся в Лонгрич.

После легкого застолья в домике «Дизенгоф» Габриэль и Рой отправились к тому месту, где содержались похищенные. Проведя рекогносцировку, они вернулись и приступили к разработке плана операции. После детального обсуждения было принято предложение Роя – в середине ночи забросать двор дымовыми шашками, затем гранатами со слезоточивым газом и, надев противогазовые маски, ворваться внутрь. У Габриэля была единственная просьба:

– Желательно без жертв, Рой. Если можно – ограничиться только нейтрализацией.

– Мы постараемся, Габриэль. Это и в наших интересах. Мы не хотим иметь дело с полицией.

Они обрушились на объект, как называл это место Рой, в два часа ночи. Все происходило как на учениях. Внешняя охрана была застигнута врасплох, нейтрализована и обезоружена. Внутри дома находились еще четверо. Все они спали и проснулись, только услышав шум. Им приказали уткнуться лицом в подушки. Алекса и Андрея обнаружили в той самой дальней комнате, которая вызвала сомнения у Дугласа. Второе окно в ней действительно было. Увидев Габриэля и Гидеона с «узи» в руках, они все поняли.

– Кто эти люди? – спросил Алекс.

– Это люди Раджа, мистер Франк, – ответил Габриэль. – Не хотите ли прихватить кого-нибудь из «Альбион Энерджи» для обстоятельного разговора? Или сказать что-нибудь на прощание?

– Прихватить не хочу. Но с их боссом я бы попрощался. Он назвался Майком Гопкинсом, но это, наверное, не настоящее имя.

– Его зовут Кларк. Рональд Кларк, начальник отдела специальных проектов, – дал справку Габриэль.

– Вот как. Интересно. Спасибо, Габи. Приведи его.

Кларк был в трусах, волосы взъерошены.

– Извините, Кларк, что мы покидаем этот дом без вашего согласия, – обратился к нему Алекс. – Я предупреждал, что мы будем разбираться с «Альбион Энерджи» не так, как с «Игл Корпорэйшн». Надеюсь, вы больше не будете делать глупости. А если это вас ничему не научит, то, выражаясь вашими же словами, такая ситуация тоже предусмотрена. И передайте это Ларри Эвансу. А теперь идите досматривать свои фантастические сны.

С этими словами Алекс, Андрей и участники операции покинули поле боя, забрав трофейное оружие и мобильные телефоны и выведя из строя стоявшие во дворе машины. Весь следующий день «индийские гости», как стали называть их Алекс и Андрей, отдыхали в домике «Дизенгоф». Рой связался с пилотами и удостоверился, что заказанный в Лонгриче заправщик прибыл и баки заполнены топливом. Прощание перед посадкой в самолет было теплым. Габриэль и Гидеон обнялись с каждым членом группы. Рой, широко улыбаясь и пожимая руку Габриэлю, сказал: «У настоящих командос должен быть свой собственный Энтеббе. Это как пропуск в элитный клуб. Теперь он у нас есть. Маленький, но свой». «Вы заслужили этот пропуск», – с полной серьезностью ответил Габриэль.

Домик «Дизенгоф» снова опустел. Его временные обитатели вернулись в «Козерог». Дугласу завязали глаза, и Гидеон отвез его на противоположную окраину города. Там снял повязку, наручники и отпустил на все четыре стороны. На прощание посоветовал уехать куда-нибудь подальше, так как Кларк не простит то, что он сделал.

24

Для Алекса опять начались рабочие будни. Бурение скважин приближалось к наиболее ответственному этапу – вскрытию нефтяных пластов. Он и Андрей провозили на буровых целые дни и возвращались в гостиницу поздно вечером. Габриэль и Гидеон неотступно следовали за ними, не расставаясь с «узи». Они пришли к выводу, что сами скважины как источники информации или объекты саботажа не интересуют «Альбион Энерджи» и что главная опасность угрожает их подопечным. Алекс не разделял их тревогу. Он считал, что после урока, преподанного Кларку и его лондонскому начальству, они не решатся на новую провокацию. Однако Габриэль и Гидеон оценивали ситуацию не с психологических, а с профессиональных позиций. Для них не существовало такого понятия, как «урок». В их лексиконе было только слово «безопасность». И они старались предусмотреть любую, даже самую маловероятную угрозу и заранее нейтрализовать ее.

Руководство «Альбион Энерджи» собралось для обсуждения возникшей ситуации в прежнем составе. На этот раз все трое не скрывали своей озабоченности. Гарри Бриссон опять выступил первым. Он снова был категоричен, и в его суждениях не было сомнений и колебаний. Но вектор этой уверенности изменился.

– Джентльмены, я признаю, что был не прав. За «Дабл Эй» действительно стоит «Мосад». И это коренным образом меняет дело. В новой ситуации мы должны действовать еще более решительно и жестко. Нам ничего не остается, как принять вызов. Мы не можем проиграть.

– О чем вы говорите, Гарри! – в ужасе воскликнул Крэйг. – Вы что, предлагаете нам вступить в схватку с профессиональной секретной службой? Стрелять на улицах и взрывать офисы? Превратиться из респектабельной корпорации в семейство дона Карлеоне? Куда вы нас толкаете?

– Не надо преувеличивать, Энтони. Мы ни в кого не превратимся. Мы останемся прежней уважаемой «Альбион Энерджи». И то, что я предлагаю, намного меньше по масштабам и последствиям, чем, например, скупка контрольного пакета «Бизон Эксплорэйшн» и ликвидация этой компании, в результате чего шесть тысяч человек оказались на улице. Как вы знаете, мы провернули это три года назад. Или недавняя сделка, когда мы выставили с европейского рынка скандинавскую группу, что привело к ее банкротству. Там, кажется, было несколько самоубийств. Джентльмены, излишне напоминать, что наше место в бизнесе никем не гарантировано. Если мы проявим слабость, то можем просто исчезнуть, как это случилось со многими гигантами до нас. Угроза, которая исходит от «Дабл Эй», превосходит все, с чем мы сталкивались раньше. Именно к этому я и хочу привлечь ваше внимание. Все остальное – лишь дело техники, как любит говорить наш доблестный Рональд Кларк. Вот пусть он и манипулирует этой техникой. Пусть докажет, что умеет не только составлять планы. А мы докажем себе, что можем не только утверждать их.

– Я слушаю Гарри и думаю, что недаром в колледже его звали «Гарри-ковбой», – вступил в разговор Эванс. – Ты, Гарри, до сих пор не расстался с привычкой «стрелять с бедра». А ситуация такова, что начать стрельбу легко, но остановить ее будет трудно. Дальше всех обычно идет тот, кто не знает, куда идти. Я согласен, что «Дабл Эй» представляет большую угрозу для нас. И не только для нас. Но я

не уверен, что мы можем решить проблему способом, который предлагает Гарри. Особенно теперь, когда нам стало известно, кто стоит за Франком и Шейнманом. Я предлагаю взвесить все «за» и «против» и попытаться сделать обоснованный прогноз – что мы выиграем в случае успеха и что потеряем в случае провала. А провал никогда нельзя полностью исключить. От него никто не гарантирован.

– Разумное предложение, – поддержал осторожный Крэйг. – Кроме того, Гарри, я не могу согласиться с вашими сомнительными параллелями по поводу «Бизона» и скандинавов. Там мы действовали на своем поле и теми методами, которые приняты в бизнесе. А с «Дабл Эй» вы предлагаете нам перейти на чужое поле и играть по их правилам. Мы быстро превратимся из профессионалов в любителей, и результат предсказать нетрудно. Надо найти какой-то другой выход. Побойтесь Бога, Гарри.

– Другого выхода нет, – жестко возразил Бриссон. – А относительно обоснованного прогноза, о котором говорил Ларри, могу сказать со всей определенностью. В случае успеха мы останемся теми, кто мы есть. В случае бездействия – потеряем все. Исчезнем. Будем упоминаться только в исторических справочниках, как это произошло с компаниями, которые не смогли ответить на вызов времени и угнаться за техническим прогрессом. От них остались пять-шесть строчек в нефтяной энциклопедии. И Бог здесь ни при чем, Энтони. Он существует только для мошенников и глупцов. Первые говорят и действуют от его имени, вторые – во имя его. Но и те и другие думают лишь о собственной выгоде.

Бриссон продолжал давить на своих коллег с неослабевающей силой, приводя новые аргументы, исторические примеры, рисуя мрачную перспективу. Как это обычно бывает в таких случаях, когда один из троих настроен решительно и убежден в своей правоте, другой чрезмерно осторожен, а третий колеблется, побеждает тот, кто призывает к действию. И хотя окончательного решения принято не было, но Бриссону удалось склонить чашу весов на свою сторону. Гарри-ковбой не знал, что бросает вызов Шмулику-пистолету. А это не то же самое, что иметь дело с «Бизоном» или скандинавами...

25

По мере того, как Андрей знакомился с технологией разведки, она все больше увлекала его. Настоящее волнение он испытал, когда присутствовал при перфорации обсадной колонны. Ему вспомнился ночной телефонный звонок Алекса из Альберты и предложение дать команду на прострел. Тогда Андрей вообще не знал, как выглядит перфоратор, и имел представление о бурении скважины только со слов Алекса, который однажды весьма популярно рассказал ему о разведке нефти. И вот теперь он впервые увидел все собственными глазами – бурение, каротаж, спуск колонны, ее цементирование и, наконец, перфорацию. Он как бы прошелся по всей технологической цепочке, начиная от анализа образцов почвы, затраты на который ничтожно малы, и до проводки скважины, которая стоит миллионы долларов. А в конце этой цепочки находится нефтяное месторождение стоимостью в сотни миллионов. Все это произвело на него большое впечатление. Алекс, видя столь живой интерес Андрея к своей профессии, временами увлекался и, как всякий специалист, углублялся в такие детали, что Андрею приходилось его останавливать. «Ты, кажется, собираешься сделать из меня геолога. Это так же невозможно, как тебе стать физиком. Мне вполне достаточно превратиться из полного невежды в полуневежду. Излишние подробности убивают хороший рассказ. Но я понял главное – пористые подземные пласты на огромных территориях заполнены водой, и только на крохотных участках в них вместо воды содержится нефть. И эти участки на фоне безбрежных водных пространств можно уподобить буквально каплям в море. Задача геолога – искать эти капли. Здесь можно

“Зарубежные записки” №9/2007

вспомнить поговорку о поисках иголки в стоге сена, хотя это, наверное, и некорректное сравнение», – подвел итог Андрей во время одной из таких «лекций», когда они наблюдали спуск в скважину обсадной колонны. «Ну почему же некорректное, – ответил Алекс, – если стог сена прощупывать сверхчувствительным металлоискателем, то это примерно то же самое. В таком случае поиск иголки будет вестись прямым методом. Почти аналогично тому, что мы с тобой делаем».

Через неделю на обеих скважинах предстояла установка «рождественских елок», и после этого у Алекса намечались несколько свободных дней – до начала бурения на двух следующих точках. Как раз в это время Шмуэль должен был прибыть в Перт, и он хотел, чтобы вся группа из Лонгрича прилетела на долгожданную встречу. Габриэль зафрахтовал для этого такой же «джет командер», как тот, который доставил людей Роя Сингха. Он договорился, что авиакомпания перегонит его из Брисбена, главного города штата Квинслэнд, на взлетную полосу около Лонгрича. Расстояние между этими городами более тысячи километров. Поэтому в Лонгриче потребуется дозаправка, и с учетом этого самолет должен будет прибыть не в день вылета в Перт, а накануне.

Время «израильско-индийской встречи», как шутливо-торжественно называл ее Шмуэль, приближалось. Самолет из Брисбена прибывал на следующий день, а еще через день все четверо – Алекс, Андрей, Габриэль и Гидеон – должны были лететь в Перт. Алекс заканчивал оформление технической документации по скважинам и, как обычно в последнюю неделю, работал допоздна в своем номере.

Минут десять назад позвонил Габриэль, убедился, что все в порядке, и пожелал спокойной ночи. Это была стандартная проверка, к которой оба они уже привыкли. Гидеон точно так же опекал Андрея.

...Стук в дверь удивил Алекса. Это противоречило строгим правилам, введенным Габриэлем после похищения. Никто не мог прийти к нему без предварительного телефонного звонка. Алекс подошел к двери и посмотрел в глазок. Это была Юдит.

– Кто это? – спросил Алекс от неожиданности.

– Алекс, почему ты спрашиваешь? Ты же видишь, что это я.

– Ты одна?

– Конечно, одна. Станный вопрос. Или, может быть, ты не один?

Алекс открыл дверь. Юдит бросилась ему на шею.

– Алекс, дорогой мой. Я так рада видеть тебя. Извини, что не предупредила. Все получилось так неожиданно. Ты знаешь, я нашла очень хорошую работу в Эмеральде. Это четыреста километров отсюда. Там есть закрытый элитный клуб, и мне предложили преподавать аэробику. Занятия начинаются через неделю. Это случилось буквально на днях. Я еще даже не успела купить машину, а моя «мазда» совсем развалилась. И вдруг, представляешь, оказия. Один член клуба поехал сюда по своим делам. И подвез меня...

Юдит тараторила без умолку. Алекс не мог вставить слово. Наконец, ему удалось задать вопрос.

– А где ты остановилась?

– Здесь же, в «Козероге». Зашла в номер, оставила вещи и сразу к тебе.

– Но почему не позвонила?

– Ты так спрашиваешь, будто не рад. Неужели не понимаешь? Хотела сделать сюрприз. И потом, как ты это себе представляешь – звонить из одной комнаты в другую, когда можно дойти за одну минуту. Мы же с тобой не коллеги по работе. Мы с тобой воз-люб-лен-ные, – по складам произнесла Юдит и сняла с себя блузку.

Потом она начала расстегивать на нем рубашку. Алекс уловил знакомый волнующий аромат ее тела и почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Где-то в глубине сознания он понимал, что время для такой встречи не совсем подхо-

дящее. У него еще много работы. А завтра последний день перед отлетом, и, как всегда, он отложил на него несколько важных дел. Но, с другой стороны, возражал он себе, жизнь состоит не только из работы. Работа – это лишь фон, а жизнь иногда дарит такие яркие всплески на нем, как Юдит. И именно они, эти всплески, остаются в памяти, а все остальное сливается в сплошную рутину. Не об этом ли слова царя Соломона в Экклезиасте: «Не будь слишком праведным и не слишком мудрствуй... Хорошо, если ты придержишься одного, но и от другого не отнимаешь руки»? Впрочем, сказать, что он спорил с собой, возражал и доказывал, было бы неверно. Просто в мозгу лениво ворочались какие-то вязкие мысли – работа, важные дела, успеть сделать... А из некоего другого участка мозга уже поступила команда его рукам, которые торопливо расстегивали ремень на брюках. Вдруг в каком-то третьем участке, видимо, самом главном, вспыхнуло что-то яркое, и Алекс отчетливо услышал свой собственный голос, произносивший как заклинание: Камасутра, Камасутра... Он понял, что эта яркая вспышка и есть то единственное, чему он должен сейчас беспрекословно повиноваться. Юдит как будто подслушала его разговор с самим собой, и до него внезапно дошел смысл ее нетерпеливого вопроса: «Ну, отвечай же. Ты что, не слышишь – цапля, сирсасана или закрученный узел?» Алекс стряхнул оцепенение: «Все равно, Юдит, все равно. Ну, пожалуй, сирсасана, если не возражаешь». Юдит не возражала. И он погрузился в нирвану. Потом была еще позиция цапли, а потом закрученный узел. На этот раз Юдит превзошла саму себя. Алексу вдруг вспомнилась нашумевшая пьеса Ив Энслер «Монологи влагалища», которую он смотрел как-то в Вест-Сайдском театре на Бродвее. «А ведь Ив было бы чему поучиться у Юдит», – подумал он.

– Алекс, мне надоело быть одной. Я хочу, чтобы мы были вместе, – сказала Юдит, когда «мюзикл» закончился. – Я имею в виду, что мы не должны встречаться лишь на короткое время, а затем надолго расставаться. По крайней мере пока ты здесь, а не в своей Канаде, мы можем себе это позволить. Как ты на это смотришь?

– Но ты же сама уехала из Лонгрича. Не понимаю, чем была вызвана такая спешка? Могла бы остаться на несколько дней.

– К сожалению, не могла. Были особые обстоятельства. Но теперь все изменилось, у меня есть постоянная работа. И это недалеко отсюда, всего четыреста километров. А сейчас вся эта неделя у меня вообще свободна, так что мы можем провести ее вместе.

– Ничего не получится, Юдит. Я послезавтра уезжаю. Мы можем вернуться к этому разговору после возвращения.

– Какая досада. Я так мечтала провести целую неделю с тобой. А нельзя ли перенести поездку?

– К сожалению, нельзя.

– А куда ты едешь? Может быть, мы поедем вместе? Если это, конечно, недалеко и займет не больше недели.

– Нет, Юдит. Это нереально. Я еду не один. И это достаточно далеко. Мы летим самолетом.

– Ну что ж, нет так нет. Очень жалко. Самолетом? Это значит вы должны сначала добраться до Рокхемптона, ведь авиарейсы есть только оттуда. А Эмеральд как раз по дороге в Рокхемптон. Вот и прекрасно, ты довезешь меня до Эмеральда. Не возражаешь?

– Нет, Юдит. Мы не едем в Рокхемптон, а летим из Лонгрича.

– Но отсюда нет рейсов. Как же вы полетите?

– У нас свой небольшой самолет. Мы летим прямо отсюда.

– Так все неудачно. Обещай, что позвонишь, как только вернешься. Ну, а завтра у тебя найдется для меня время?

– Когда вернусь, обязательно позвоню. А завтра я, к сожалению, буду занят до позднего вечера.

– Ну, тогда мне нечего здесь делать. Утром уеду автобусом в Эмеральд. Не везет нам с тобой. То у меня особые обстоятельства, то у тебя...

26

«Джет командер» плавно оторвался от взлетной полосы и взял курс на запад. До Перта было ровно четыре часа полета. Они прилетят туда на день раньше Шмуэля. Договорились, что их встретит Рой Сингх и отвезет прямо на яхту. Алекс подумал, что должен прибыть отдохнувшим, в хорошей форме. Поэтому сейчас неплохо было бы стряхнуть усталость, накопившуюся за последний месяц. Он откинул спинку кресла и попробовал заснуть. Но как только закрыл глаза, перед ним возникла Юдит в позиции цапли. «Ну все, – сказал он себе, – началось навязчивое. Если уж мысль зацепилась за что-то, то бесполезно стараться не думать об этом». Спать почему-то расхотелось. Он взглянул в окно – они летели над пустыней Симпсон. Унылый пейзаж, смотреть было не на что.

Внезапно возникло ощущение полной беззаботности, как это часто бывало у него в полете, – впервые за долгое время голова была свободна от мыслей о работе, «Альбион Энерджи» и даже о Юдит. Но это ощущение длилось недолго. В голову ни с того, ни с сего полезли какие-то далекие и не очень далекие встречи, события, случаи из жизни. Неожиданно память заработала, как неуправляемый кинопроектор, который стал раскручивать длинную ленту беспорядочных воспоминаний. Будто чей-то невидимый палец нажал кнопку... Вдруг замелькали кадры той страшной школьной драки во время «дела врачей», когда его беспощадно били всем классом. После этого Алекс твердо решил стать боксером. Боксером не стал, но держать и наносить удары научился хорошо. Это выручало не раз. А крепкий кулак, как говорила мама, ему достался от деда... Потом пошли эпизоды институтской жизни, разведки в разных странах, защита диссертаций – одной, другой. Там были иные удары, но он держал и их. И наносил ответные в виде неожиданных и продуманных аргументов. Оппоненты отступали...

После этого, без всякой связи с предыдущим, вспомнились соседи по коммунальной квартире – сантехник Сергей Дмитриевич, дядя Сережа, одинокий холостяк, занимавший шестиметровую комнатку, и Эсфирь Давыдовна, учительница истории, которой принадлежала самая большая «жилплощадь». С дядей Сережей Алекс любил играть в шахматы. Снимая с доски фигуру Алекса, он обычно приговаривал: «Что, мальчик, попался? Будешь знать, как зевать». В тридцатых годах Сергей жил с родителями в большой отдельной квартире. Отец его был директором крупного завода. В тридцать седьмом, когда ему было одиннадцать лет, родителей арестовали, и больше он их не видел. Через неделю, в пять утра, пришли за ним. Чекисты вывели Сергея из подъезда, около которого стояла черная «эмка». «Иди в машину», – сказали ему, а сами остановились покурить. Но неожиданно для них и для себя он бросился бежать через пустынную улицу к немецкому посольству, расположенному напротив по очень подходящему адресу – Мертвый переулок. У посольства дежурили два милиционера. «Держи его!» – закричали им чекисты. Один из постовых сделал Сергею подножку, а другой схватил за руку. В это время мимо проходила старушка – из тех, кому не спится по утрам. «Что, мальчик, попался? Будешь знать, как воровать», – донесли до него ее назидательные слова, последние слова, которые он услышал на свободе. По непонятной причине они прилепились к Сергею на всю жизнь.

Потом были пять лет в детдоме, а за ними четырнадцать лет воркутинских лагерей.

Сергей Дмитриевич и Эсфирь Давыдовна были в постоянной ссоре и между собой не разговаривали. «Книгоноша», как звали учительницу соседи по дому, жила в их квартире почти всю жизнь, за исключением четырех лет эвакуации.

Единственное, что она увезла с собой в октябре сорок первого, когда в спешке покинула Москву, было полное собрание сочинений Ленина. С этими красными томами и вернулась обратно. Тогда и получила свое прозвище...

Потом память вдруг выхватила из сумбурной мозаики встречу в Тель-Авиве с Авнером, отставным полицейским, который в детстве прошел Освенцим и уцелел только потому, что был в крематорной команде. Вместе с другими подростками он выгребал пепел из печей и собирал его в большие контейнеры, а зимой в гололед они посыпали им дорожки перед домами эсэсовцев. В мае 1962 года, когда был сожжен труп повешенного Эйхмана, этому бывшему узнику лагеря смерти, а теперь офицеру израильской полиции, было поручено выйти на катере ВМФ за пределы территориальных вод Израиля и высыпать пепел в море. На вопрос, о чем он думал при этом, – Авнер ответил: «Первое, о чем подумал, – как мало пепла остается от человека...»

Эта история дала толчок другим воспоминаниям, так или иначе связанным с жизнью и смертью. Когда-то судьба свела Алекса с известным грозненским геологом Николаем Ильинским, детство которого прошло в Центральной России, а работать ему пришлось десятки лет на Кавказе. Мечтал Николай на старости лет вернуться в родные края и поселиться в каком-нибудь маленьком тихом городке, вдали от промышленных центров. И вот за пять лет до пенсии стал он подыскивать подходящее место. Каждый отпуск супруги Ильинские отправлялись в российскую глубинку и объезжали по пять-шесть городков. Интересовали Николая только кладбища. Он методично обходил все могилы, ряд за рядом, и списывал с памятников в толстую тетрадь годы рождения и смерти. Потом сводил эти данные в таблицы, строил графики и рисовал диаграммы. Был он человеком аналитического склада ума и верил в статистику. Целью его было найти городок с наибольшей средней продолжительностью жизни. Обследовав около сорока мест по своему вкусу, он нашел, что искал, где-то в Пензенской области. Выйдя на пенсию, Николай с женой переехал туда. Он собирался жить долго. А через год утонул в реке Суре...

Потом «кинопроектор» перенес Алекса в Швейцарские Альпы, где познакомился он однажды с американской супружеской парой. Фрэнку было восемьдесят два года, а Кэтрин – семьдесят пять. Горные лыжи занимали главное место в их жизни. Почти круглый год они гонялись за снегом по всему миру, переезжая с континента на континент – Америка, Европа, Австралия. В одном месте сезон заканчивался, в другом начинался. Алекс любовался их отточенной техникой и каким-то особым изяществом, с которым они закладывали выражи на крутых склонах – то идя след в след, то расходясь в разные стороны, обгоняя друг друга, а затем снова сближаясь. Это напоминало грациозную игру дельфинов. Иногда Алекс намеренно отставал, чтобы наблюдать за ними сверху, когда они были похожи на молодую пару, проводившую в горах свой медовый месяц. И вот, во время одного из таких спусков, Фрэнк, шедший на большой скорости впереди жены, упал и умер. Наверное, он сначала умер, а потом упал. Все произошло мгновенно. Алекс едва успел затормозить около них. Кэтрин спокойно сказала: «Фрэнк ушел». Алекс начал было говорить слова соболезнования, но она остановила его: «Все в порядке, Алекс. Он мечтал о таком уходе. Он счастлив». Она не сказала «умер», на ее лице не было скорби. Его особенно поразило слово «счастлив». «Действительно, прекрасный уход, – подумал тогда Алекс. – Альпы, яркое зимнее солнце, ослепительно белый снег. Человек мчится вниз, легко переносит тяжесть послушного тела с одной лыжи на другую и не чувствуя своих восьмидесяти двух лет. Каждая его клетка полна жизни... И вдруг некий внутренний маятник, отмеривающий время, отведенное нам в этом мире, качнулся немного сильнее и безболезненно пересек ту таинственную границу, которая отделяет бытие от небытия и из-за которой уже нет возврата. Что может быть лучше! Я бы не отка-

“Зарубежные записки” №9/2007

зался от такого ухода. В общем-то, смерти не следует бояться. С ней надо лишь успеть разминуться на большой скорости...»

Снежные Альпы напомнили о другом снеге, который так и остался для Алекса большой загадкой, чем-то на грани мистики и черной магии. Как-то гостил он у родственников в Бостоне и очень подружился с их сыном, четырехлетним Мирончиком. Однажды мальчик заявил, что не заснет, если Алекс не расскажет ему на ночь сказку. Сказка была рассказана, но Мирончик все не засыпал. И вдруг он спросил:

- А ты можешь быть волшебником?
- Могу, – ответил Алекс, не подумав о последствиях.
- Ну, тогда сделай так, чтобы завтра пошел снег.

Дело было в апреле, последний снег растаял больше месяца назад. «Обманывать детей нехорошо, – подумал Алекс, – но отступать поздно. К тому же завтра все забудется».

- Обещай, что заснешь, если сделаю.
- Обещаю.

Алекс произнес волшебное заклинание, и уже через пять минут Мирончик сладко спал. Рано утром он ворвался в спальню родителей с громким криком:

- Он волшебник! Он настоящий волшебник! Он сделал это!

За окном валил снег...

Не обошел «кинопроектор» и самый яркий эпизод в профессиональной жизни Алекса – «яркий» в прямом и в переносном смысле. Перед его глазами, в который раз, возник тот памятный пожар на нефтяной скважине. Случилось это на одном из островов в Малаккском проливе. Во время бурения неожиданно началось аварийное фонтанирование. Нефтяной пласт вдруг вышел из-под контроля и «заработал». Нефть под огромным давлением прорвалась в скважину и стала выбрасываться с невероятной силой на поверхность все, что в ней находилось. Алекс впервые видел, как тяжелые стальные трубы вылетали из скважины и, извиваясь в воздухе, как макароны, бились, будто в клетке, внутри буровой вышки. В какой-то момент удар металла о металл высек искру, и ревущая струя нефти превратилась в гигантский факел, плавивший металл и озарявший все вокруг на десятки километров. Это незабываемое зрелище показало Алексу более наглядно, чем все расчетные формулы вместе взятые, какую сокрушительную энергию таят в себе нефтяные пласты и какая точная ювелирная работа требуется для того, чтобы держать их под контролем. Малейшая оплошность или просчет – и нефть вырывается наружу, сметая все на своем пути... На эти воспоминания хаотически наполнили другие – женщины, репатриация в Израиль, жизнь в Канаде...

«Э, нет, – сказал себе Алекс, – так дело не пойдет. От этого калейдоскопа можно обалдеть еще больше, чем от всего, что произошло за последний месяц. Если уж вспоминать, то что-то одно и упорядоченно. А не восстановить ли в памяти всю ту почти немыслимую цепь случайных драматических событий, которая привела его и Андрея к тому, чем они сейчас занимаются?» Эта мысль увлекла его. Сон все равно прошел, а четырех часов полета вполне достаточно, чтобы прокрутить все это в голове кадр за кадром. «С чего начнем? – спросил он себя и тут же решил: – Начнем, пожалуй, с Канады». Как он оказался в этой стране? После двух лет жизни и работы в Израиле Алекс получил приглашение от крупной канадской нефтяной компании занять должность советника по зарубежной разведке и переехал в Калгари. Первоначальный двухлетний контракт превратился в шестилетний, и за это время ему пришлось поработать почти на всех континентах. Но занимаясь разведкой в разных странах, он продолжал внимательно следить за поисками нефти в Израиле. Его поражали их бессистемность, хаотичность, непрофессионализм. При встречах с израильскими коллегами он говорил об этом. С ним соглашались, однако ничего не менялось. Тогда он написал письмо мини-

стру энергетики, в ведении которой находилась нефтяная разведка. Ответа не последовало. Но когда через год Алекс вернулся в Израиль, перед ним закрылись все двери. В работе ему было отказано. сосед по дому, занимавший важную должность в администрации университета, взялся по собственной инициативе переговорить о нем с деканом геологического факультета, с которым Алекс не был знаком. Он вернулся после разговора обескураженный: «Алекс, что ты такое натворил? Декана передернуло, как только я назвал твое имя». Было ощущение, что какая-то таинственная инстанция, определяющая кошерность граждан, сделала в его личном деле отметку, подобную волчьему билету: «Не подлежит трудоустройству в государстве Израиль». Это ощущение превратилось в уверенность, когда в его руки, по недосмотру чиновника, попало конфиденциальное письмо министра энергетики министру абсорбции, в котором говорилось: «Профессиональные качества геолога Алекса Франка не соответствуют израильским стандартам. Поэтому трудоустроить его даже по специальной стипендии министерства абсорбции не представляется возможным». Вся эта кафкианская ситуация очень смахивала на то далекое школьное избиение во время «дела врачей», когда у маленького Алекса просто не было шансов. И все же тогда ярость одноклассников была хотя и слепой, но справедливой – били за дело, за отравление видных деятелей государства. Сейчас били соплеменники – мстительно, изощренно, основательно, чтобы уже не смог подняться. Целью было лишить возможности работать, а значит и жить. Так умеют бить только «свои» – за критику, за «несоответствие профессиональному стандарту», за неприятие корпоративной круговой поруки. Вроде бы тоже за дело... Вспомнились слова из документальной эпопеи Юлия Марголина «Путешествие в страну ээка»: «Лагерь представляют собой дикарское неуважение к человеческому таланту и умению. Человек, десятки лет работавший в любимой профессии, убеждается в лагере, что все усилия его жизни пошли насмарку». Какой бы двусмысленной такая аналогия ни была, но запрет на профессию вызывает одинаковую реакцию и в лагере, и на свободе – для человека имеет значение только то, что «все усилия его жизни пошли насмарку», а не то, где это произошло...

Все еще веря в здравый смысл, он написал несколько писем руководителям страны. Никто из них не ответил. Тогда он обратился к Государственному контролеру. Алекс апеллировал к государственным интересам и позволил себе образно описать ситуацию: «Мое положение еще можно было бы понять, если бы я был экспертом по выращиванию кукурузы, в услугах которого страна не очень нуждается. Но в моей профессиональной области Израиль вот уже в течение сорока лет идет от одной неудачи к другой...» Вскоре пришел ответ, подписанный помощником контролера: «По вопросу выращивания кукурузы вам следует обратиться в министерство сельского хозяйства». Круг кафкианского абсурда, этот израильский национальный бублик, замкнулся. Последняя иллюзия исчезла, что лишь подтвердило старую истину: мечты иногда сбываются, иллюзии – никогда. Побуждения чиновника были, видимо, вполне искренние, но Алекс решил не следовать его совету, а вместо этого предложил свои услуги в качестве консультанта иностранным нефтяным компаниям. То, что было с таким злорадством отвергнуто в Израиле, оказалось с благодарностью востребовано в других странах. Проблемы несоответствия «профессиональных качеств геолога Алекса Франка местным стандартам» не возникло. Впрочем, там, где разведка нефти идет успешно, профессиональные стандарты отличаются от израильских. В его карьере наступил новый этап. Он консультировал разведочные работы во многих странах, в том числе и в России. По его проектам и рекомендациям бурились скважины и открывались новые нефтяные месторождения в разных районах мира. Он снова держал удар.

...Однажды на тель-авивском пляже Алекс столкнулся лицом к лицу с Андрюхой Шейнманом. Встреча была столь же радостной, сколь и неожиданной. Когда-то,

несколько лет подряд, они сидели за одной партией, и в школе их даже называли «эти однопартийцы». В десятом классе Андрей прославился переводами Шекспира, которые стали весьма популярны среди однокашников-акселератов. Бывало, на школьных вечеринках Алекс объявлял: «А сейчас известный поэт-переводчик Шейнспир озвучит собственное видение Шекспира. Вниманию публики предлагается гигиеническая трагедия “О, Тело!”». Андрей входил с кувшином в руке, с лицом, вымазанным черной ваксой, и читал монолог: «Ты перед сном подмылась, Дездемона? Скорей подмойся. Я не помешаю. Я рядом подожду. Избави Бог убить тебя, не подготовив тело». Акселераты громко ржали... После школы пути «однопартийцев» разошлись. Андрей стал физиком, а Алекс – геологом. В первые институтские годы они еще изредка встречались, но затем потеряли друг друга из виду. Алекс колесил по всей стране, а Андрей зарылся в какой-то «ящик» и, по слухам, делал головокружительную научную карьеру. Только однажды за много лет Алекс разыскал его и пригласил на защиту докторской. Потом на банкете, когда гости, как обычно, состязались в непомерном восхвалении «тостуемого», Андрей поднял бокал и сказал: “Вот тут пили за лучшего геолога Татарии, Башкирии, Советского Союза и стран СЭВ. Такими словами можно погубить человека. Я хочу привести новоиспеченного доктора к его истинному масштабу и тем уберечь от гордыни. Предлагаю тост за лучшего геолога с нашей парты, в чем нет ни капли преувеличения и что не так уж мало».

И вот теперь «лучший геолог» и «лучший физик» с одной парты стояли на пляже друг против друга и беспорядочно восклицали: «...Леха... Андрюха... ты здесь... какими судьбами?... а ты что тут делаешь?... я и не знал, что ты приехал... и я не знал про тебя... ты давно в Израиле?... а ты?..» Они стали встречаться, обсуждать свои дела. Андрей рассказал, что сконструировал электронный прибор, который позволяет различать образцы одного и того же вещества, находившиеся длительное время в разной среде. Стандартный анализ разницу между ними не улавливает. Она проявляется лишь после специальной термической обработки образцов. Только после этого на экране компьютера, соединенного с прибором, появляются резкие пики, по высоте которых можно с уверенностью отличать одни образцы от других. Андрей не знал, какова природа этого явления, которое было как-то связано с изменениями на уровне энергетике кристаллической решетки, но полагал, что метод найдет широкое применение в различных областях. Однако все его попытки заинтересовать открытием израильские университеты, исследовательские центры и фирмы оказались безрезультатными.

У Алекса сразу же возникла мысль попробовать метод на образцах почвы над нефтяным месторождением и за его пределами. Он, конечно, хорошо знал историю так называемых методов прямого обнаружения нефти и не питал иллюзий на этот счет. Но что мешает попробовать? Через несколько дней Алекс вместе с двумя рабочими отправился на единственное в Израиле нефтяное месторождение недалеко от Ашкелона. Он отобрал несколько десятков образцов – над залежью нефти и на участках, где нефти нет. Андрей сделал анализы и передал ему результаты по телефону. По мере того, как Алекс наносил цифры на карту, он стал испытывать состояние интеллектуального оргазма. Образцы отчетливо «высветили» нефтяной участок. Это был поворотный пункт, момент истины, фантастический прорыв в той области, в которой до этого были сплошные неудачи... Но с точки зрения статистики, данных по одному месторождению было недостаточно для уверенных выводов. Алекс поехал в Россию и, используя свои прежние связи, отобрал образцы на четырех нефтяных месторождениях в разных районах. После этого с помощью старого институтского товарища ему удалось получить почву с трех месторождений в Америке. Весь этот представительный статистический материал свидетельствовал об одном и том же – метод указывает присутствие нефти с абсолютной точностью.

Алекс и Андрей понимали, что метод сам по себе еще не дает им возможности вести разведку. Нужны огромные деньги – для участия в тендерах на разведочные участки, бурения скважин и накладных расходов. «Без наличности нет личности», – любил говорить Алекс. Эту проблему можно было решить двумя способами – или привлечь какую-либо крупную нефтяную компанию, или найти очень богатого частного партнера. Они начали с первого варианта. Написали письма в более чем сто международных компаний, предлагая каждой из них прислать им для анализа пятьдесят образцов почвы, отобранных над месторождениями и за их пределами. Они гарантировали, что проведут так называемый «слепой тест» и точно укажут, какому участку принадлежат те или иные образцы. И в зависимости от этого готовы вести дальнейшие переговоры. Реакция на письма обескуражила. Подавляющее большинство адресатов, в том числе «Игл Корпорэйшн» и «Альбион Энерджи», вообще не ответили. А немногие ответы сводились к тому, что «наша компания уже пыталась использовать различные модификации методов прямого обнаружения, убедилась в их безрезультатности и больше не намерена участвовать в подобных экспериментах». Американская компания «Тонoko», входящая в первую десятку в мировом нефтяном бизнесе, пошла немного дальше, подсчитав, что «отбор пятидесяти образцов на наших месторождениях в разных странах обойдется в двадцать тысяч долларов», и сделала вывод, что «такие затраты не могут быть оправданы». Ежегодный разведочный бюджет этой компании составляет сотни миллионов долларов! Самым удивительным в письме было то, что подписал его начальник отдела... «новых разведочных технологий». Им предлагались миллиарды, но их воображение не поднималось выше двадцати тысяч. Дело видимо, в том, что общий мировой запас здравого смысла и конструктивного воображения в области оценки новых открытий и технологий – величина постоянная, а «оценщиков» становится все больше. К тому же, как говорили древние римляне, – *hominis est errare, insipientis perseverare*⁹. Эта мудрость справедлива во все времена и для всех цивилизаций. Что касается «Игл Корпорэйшн» и «Альбион Энерджи», то из-за отсутствия внутренней координации в них не смогли уловить связь между группой «Дабл Эй» и странными письмами, которые были получены когда-то от двух изобретателей из Израиля и, видимо, выброшены в корзину. Письма попали в отдел так называемых новых технологий, а оперативной разведкой занимались совсем другие люди. И постоянного контакта между ними не было. Во всяком случае, первые никогда не сообщали вторым о большинстве предложений, которые к ним поступали.

Отказы и полное отсутствие интереса разочаровали Алекса и Андрея. Но разочарование могло быть еще большим, если бы не сходная судьба многих других открытий, о которых им было известно и которые сегодня прочно вошли в повседневную жизнь и технологию. Пожалуй, одна из самых впечатляющих историй связана с копировальной машиной «ксерокс». Драматическую сагу об этом изобретении рассказал Джон Дессауэр, вице-президент «Ксерокс Корпорэйшн», в книге, которая красноречиво называется «Миллиарды, которых никто не хотел». Более захватывающей и поучительной документальной истории им не приходилось читать. Изобретатель ксерокса Честер Карлсон предлагал свое открытие более чем двадцати крупнейшим американским компаниям. Ни одна из них не проявила к предложению ни малейшего интереса. Оно было безоговорочно и единодушно отвергнуто всеми адресатами, среди которых были такие гиганты, как Ай-Би-Эм, «Дженерал Электрик», «Кодак». Они просто не допускали, что копировальный процесс, основанный на электрофотографии (первоначальное название ксерографии), возможен. А люди, отвечавшие в этих компаниях за «новую технологию», были начисто лишены любопытства и воображения. Глава исследовательского

⁹ Людям свойственно ошибаться, глупцам – упорствовать, лат.

отдела фирмы «Кодак» ответил Карлсону: «“Кодак“ интенсивно экспериментировал в области создания копировальной техники и приобрел в этом значительный опыт. Мы полагаем, что процесс, основанный на электрофотографии, не имеет технологической и коммерческой перспективы, и не намерены вкладывать средства в его разработку». Речь шла о двадцати пяти тысячах долларов... В таком же духе отреагировали и другие компании. Через несколько лет фирма «Кодак», поняв свою ошибку, сделала попытку «вскочить в поезд», но было уже поздно.

В США нашлась только одна небольшая малоизвестная фирма «Галоид», производитель фотобумаги, со штатом в несколько десятков человек, которая сумела оценить изобретение Карлсона, увидела в нем огромный потенциал и вложила в его дальнейшую разработку все свои скромные ресурсы. Одним из побудительных мотивов ее руководителей была борьба за выживание в условиях жестокой рыночной конкуренции, что делало их особенно восприимчивыми к новым идеям. «Жирные коты» из больших корпораций лишены такого качества. За десять лет, благодаря этому изобретению, фирма «Галоид» превратилась в гигантскую «Ксерокс Корпорэйшн», в которой были заняты более шестидесяти тысяч человек. Джон Дессауэр пишет в своей книге: «Если бы счастливый случай не свел Карлсона с “Галоид“, ксерография никогда не стала бы реальностью, а фирма не превратилась бы в одну из крупнейших и наиболее динамичных американских корпораций, доходы которой возросли в сорок три раза». Воистину, случай слеп, но щедр. И приходит он к тем, кто его ищет.

Алекс и Андрей продолжали упорно искать свой «случай». Оставался второй вариант – привлечение богатого партнера. В Израиле много мультимиллионеров. Но все, к кому они обращались, либо открыто подозревали их в мошенничестве, либо посылали предложение израильским «экспертам по нефтяной разведке». Через короткое время им сообщали, что заключение «экспертов» отрицательное, и это означало окончание переговоров. Возможно, не все руководители международных нефтяных компаний и израильские «эксперты» были знакомы с историей изобретения парохода, но все они без исключения вели себя подобно французским адмиралам. Они не хотели даже попробовать. И вот когда «однопартийцы» уже стали отчаиваться и терять надежду на успешный исход своего дела, они обратились к Шмуэлю, который сыграл в их судьбе такую же роль, какую английские адмиралы сыграли в судьбе Фултона, а «Галоид» – в судьбе Карлсона...

«Да, есть что вспомнить, – подумал Алекс. – Когда-нибудь я напишу обо всем этом. Воспоминаний хватит на большую книгу. Но будут ли ее читать?» Он раскрыл томик «Письма Плиния Младшего», который захватил в дорогу, и нашел знакомое место: «Всякий раз, думая о том, что наводит на читателя скуку и что доставляет ему удовольствие, я прихожу к выводу: главным достоинством книги является ее краткость». Это Плиний писал Луперку, другу и постоянному рецензенту своих сочинений. А царь Соломон сказал совсем просто: «Много читать – утомительно для плоти». «Ну что ж, учтем мнение древних. Не дадим читателю скучать и не станем утомлять его плоть. В книге будут лишь факты, никаких отвлекающих пассажей и размышлений. И только правда. Ну, и еще то, что могло бы ею быть. Плюс немножко игры. Без нее нельзя». Вспомнился Максимилиан Волошин: «Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру». «А как она будет называться – “Прямое обнаружение“, “Прорыв“? Или, может быть, “Серая зона“? Да, “Серая зона“ – это, пожалуй, неплохо». В голове сразу же возникло объяснение такого, казалось бы «бесцветного», но в то же время адекватного и точного названия. Чтобы не забыть, Алекс вынул из дорожной сумки ноутбук и начал печатать. «А имя героя? Придумаю потом, – решил он, – а пока условно можно использовать свое». Он напечатал три фразы. Перечитал. Понравилось. По странной ассоциации в памяти всплыл забавный каламбур с очевидным подтекстом: «Серые начинают и выигрывают». Появился мимолетный соблазн обыграть его. Но это была бы явная натяжка

– к будущей книге он не имел никакого отношения. Как обычно, поставил под текстом дату и точное время – 8 августа 199... года, 11 часов 40 минут. Потом закрыл ноутбук и положил его обратно в сумку.

...Почти вся жизнь промелькнула перед ним будто в причудливом калейдоскопе. События – как ничем не примечательные, заурядные, так и кажущиеся нереальными, фантастическими – тесно переплелись в его судьбе, превратив ее в плотно сбитую, хотя и не слишком гармоничную мозаику, где каждый фрагмент был на своем месте и где ничего нельзя переставить. Удалась ли жизнь? Счастливы ли он? По большому счету, наверное, да. Уже одного метода прямого обнаружения достаточно для утвердительного ответа на этот хрестоматийный вопрос. Алекс усмехнулся. «Осторожно, – подумал он. – Боги не любят счастливых людей. Они знают, что не нужны им. Кто это сказал? Кажется, Геродот...» Все эти сумбурные, волнующие и не всегда приятные мысли и воспоминания утомили его. Алекс почувствовал, что действительно устал и должен вздремнуть. Трое его спутников уже давно похрапывали. Он откинул спинку кресла, закрыл глаза и уснул почти мгновенно.

Шмуэль прилетел на следующий день. Его встречал Радж. Они обнялись. Шмуэль заглянул через его плечо и оглянулся вокруг.

– А где мои ребята? Еще не прилетели?

Радж молча протянул ему газету «Перт Морнинг Геральд», раскрытую на странице «Происшествия». В небольшой заметке «Авиационная катастрофа» говорилось: «Вчера в двенадцать часов дня в районе городка Форрест, штат Западная Австралия, произошла катастрофа самолета “джет командер”. Очевидцы рассказывают, что он взорвался в воздухе. Все пассажиры и экипаж погибли. Среди остатков багажа, разбросанных в радиусе трёх километров, обнаружена обгоревшая дорожная сумка одного из пассажиров. Она была заполнена мягкими вещами, в которых находился уцелевший ноутбук. За двадцать минут до взрыва на нем был напечатан следующий текст: “В серой зоне миллиардных прибылей правила игры одинаковы и для белых воротничков из роскошных офисов на верхних этажах небоскребов, и для наркобаронов из колумбийских джунглей. Алекс понимал, что работая методом прямого обнаружения, они рано или поздно вползут в эту зону с ее смертельными схватками в буквальном смысле слова. Большой бизнес никогда не отступает...” Следователи полиции полагают, что этот текст не имеет отношения к катастрофе и не может пролить свет на ее причины. Скорее всего, это отрывок из какого-то литературного произведения».

27

- На линии Давид Бен-Эзра. Вас соединить? – спросила секретарь.
- Да, конечно, – ответил Шмуэль.
- Шалом, Шмуэль. Если ты не очень занят сегодня, я бы предложил пообедать в старом Яффо «У Бени-рыбака». Как ты на это смотришь?
- Хорошо. Встретимся в двенадцать.

Они заняли столик в тихом дальнем углу. Сделали заказ. Помолчали.

- Через неделю ровно год, как погибли ребята, зихронам левраха¹⁰, – прервал молчание Давид.
- Были убиты, – поправил Шмуэль.
- Да, были убиты.
- Какие новости у Мориса? – спросил Шмуэль.

¹⁰ Да будет благословенна память о них – иврит.

Вместо ответа Бен-Эзра вынул из кейса свежий номер «Интернэшнл Геральд Трибюн» и раскрыл его на странице «Происшествия». В короткой заметке «Катастрофа в Северном море» сухо сообщалось: «Вчера в двадцати милях от Абердина, Шотландия, упал в море вертолет компании “Альбион Энерджи”, летевший на новую нефтяную платформу. Все восемь человек, находившихся на борту, включая президента компании Энтони Крэйга и двух вице-президентов Ларри Эванса и Гарри Бриссона, погибли». Шмуэль прочитал заметку, помолчал немного и жестким голосом Шмулика-пистолета произнес слова из книги «Шемот»¹¹:

– И сказал Бог Моше: «Если кто злонамеренно умертвит человека, то даже от алтаря Моего бери его на смерть».

– Амен, – сказал Давид, в ушах которого вдруг зазвучал голос командира группы «Шимшон».

– Когда возвращается группа Мориса? – спросил Шмуэль.

– Самолет прибывает через три часа.

Шмуэль снял с пояса мобильный телефон и набрал номер секретаря.

– Офра, заседание Совета директоров переносится на завтра. Сегодня я занят. Официант принес бутылку вина. Шмуэль поднял бокал.

– Лехаим, алуф¹².

– Лехаим, мефакед¹³.

Был первый день августа 199... года – последний день операции «Альбион».

Продолжение следует

¹¹ «Щемот» – «Имена» – вторая книга Торы.

¹² Полковник – иврит.

¹³ Командир – иврит.